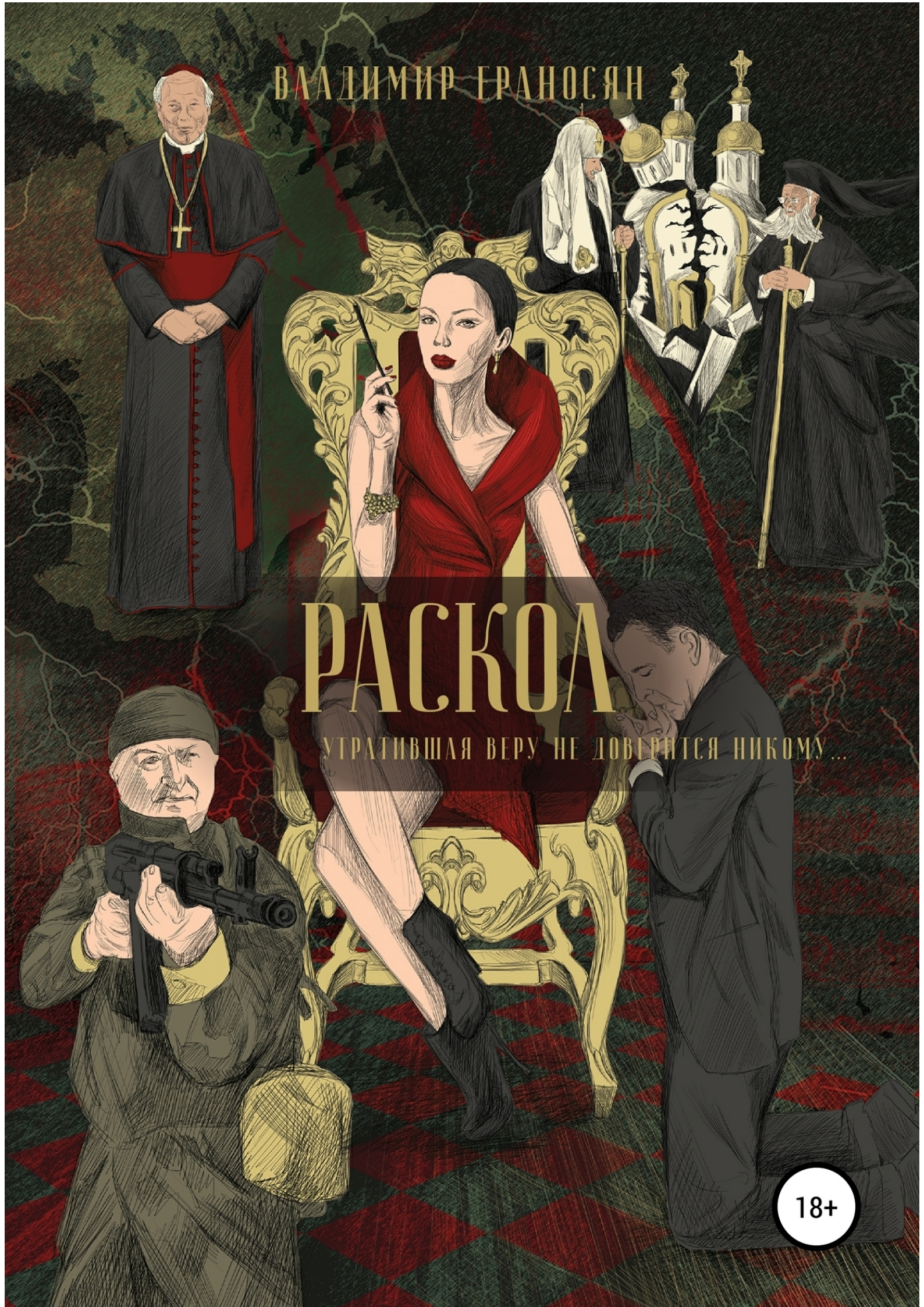

ВЛАДИМИР ЕРАНОСЯН

РАСКОЛ

УТРАТИВШАЯ ВЕРУ НЕ ДОВЕРИТСЯ НИКОМУ...

18+

Владимир Ераносян

РАСКОЛ

«ЛитРес: Самиздат»

1995

Ераносян В. М.

РАСКОЛ / В. М. Ераносян — «ЛитРес: Самиздат», 1995

Когда-то в ранней юности Елена Родионова пожертвовала честью и гордостью. Психологическая травма определила ее жизненный выбор. Став международной авантюристкой, она обрела невиданную для женщины власть. Родионова превратилась в лидера одной из самых могущественных гангстерских группировок, и одновременно стала эмиссаром Ватикана в Киеве. Объявляя войну государствам, конфессиям и этническим бандам, она потеряла границы собственных амбиций и утратила веру. Не только в Бога, но и в единственного человека, который ее по-настоящему любил и надеялся уберечь от беды...

© Ераносян В. М., 1995

© ЛитРес: Самиздат, 1995

триллер

Утратившая веру не доверится никому...

Часть 1.

Крестная мать

Узнаваемость персонажей не означает,
что прототипами являются реальные лица

1992 г. Киев. Украина

От оглушительного звона множества малых и больших колоколов в воздух взметнулось целое войско голубей, оставивших насиженные жердочки соборных куполов. Церемония вручения пресвитеру Симеону архиепископского жезла за особые заслуги перед автокефалией должна была начаться через полчаса.

У кафедрального собора Святой Софии один за другим тормозили черные лимузины с архиереями на задних сиденьях. Симпатичные мальчики в одинаковых смокингах, при виде подъезжающих к центральным воротам «линкольнов» и правительственных «зиллов», сломя голову, мчались открывать дверцы вельможных автомобилей. Зеваки надеялись хоть одним глазком взглянуть на Филарета, врага номер один московского патриарха. Все знали, что преданный анафеме «москалями» архиепископ появится с минуты на минуту. Симеона считали его протеже.

По обе стороны широченной ковровой дорожки желто-голубого цвета, ведущей к собору, официально не принадлежащему ни одной из конфессий, сегодня толпились миряне – приверженцы национализма. Наряду с атрибутами священства здесь развевались флаги с «унсовскими» крестами и тризубами. Их держали суровые адепты Степана Бандеры в полицейках «сечевых стрельцов». Ненависть к Москве подчеркивали их плакаты и транспоранты. Милиция курила в сторонке.

Среди глазающей паствы присутствовало немало мелких клерков, дьяконов, приходских священников, новоиспеченных епископов с омофорами* на плечах, приволочившихся из своих провинциальных захолустий, по большей части с запада, прослышав о столь знаменитом событии. Толпа с любопытством разглядывала вернувшегося после стольких гонений и скитаний из Канады на родину отца Мстислава и его многочисленного свиту.

Владыка мерными шагами ступал по лестнице, бережно опуская тяжелую стопу на каждую ступеньку. В его движениях отчетливо улавливалась неизлечимая хворь, а в томном взгляде, очерченном в исполосованных кровью белках, читалась усталость от жизни и великая тоска. Какое ему, дряхлому старику, готовящемуся отойти в мир иной, в сущности, дело до этих дворцовых интриг. А ведь каких-нибудь лет тридцать назад он посчитал бы осуществлением своей заветной мечты то, что его прочат в патриархи независимой от Московии церкви. За эту церковь он положил здоровье и жизнь, полную борьбы, но силы его иссякли...

К собору медленно подкатил длинный правительственный «зил». Из него резво выскочили два высокорослых, крепко сложенных парня из личной охраны Филарета. Один из них открыл заднюю дверцу, и солнечный луч преломился у всех на виду на седой от мытарств и

гонений бороде Его блаженства, из скромности своей или из великой корысти довольствовавшегося ныне должностью викария – заместителя патриарха.

Филарет неспешно вылез из машины и направился в сопровождении двух телохранителей под своды кафедрального собора. Толпа вокруг ликовала, встречая Филарета как национального героя. Точно так, на этом же месте, она двумя месяцами раньше ревела, но изливала проклятия в адрес патриарха вся Руси Алексея II, бросая ему в лицо: «Геть московского попа!»

Следовавший за «зиллом» блаженнейшего митрополита бордовый «шевролет» притормозил чуть поодаль. Из него вышел высокий юноша с правильными чертами лица. Его звали Андрей, и в кулуарах епархии упорно ходили слухи, что это незаконный сын обласканного Филаретом епископа Симеона, одного из высших сановников автокефалии, рукоположенных на скорую руку, а сегодня получавшему жезл из рук «канадского старца» Мстислава. Все ради легитимности хотя бы перед вселенской кафедрой в Константинополе. Пока Москва слаба, надо было действовать очень быстро.

Андрей с почтенным безразличием открыл заднюю дверцу, и оттуда вышла Елена Родионова – статная женщина бальзаковского возраста в шелковом платке и строгом закрытом платье. В ушах ее еле заметно дрожали серьги с вкрапленными в изумруд бриллиантами. Шею украшало ожерелье из белого итальянского золота с замысловатым орнаментом. Она вместе с юношей, слегка сконфузившимся от окружающей помпезности, направилась в собор. За ними по пятам, по-волчьи озираясь, шел представительный мужчина лет сорока. Его звали Борис Сумцов.

Духовенство терялось в догадках: почему с недавних пор на всех приемах, торжественных церемониях и даже на богослужениях в качестве охраны стали использовать службу церковной безопасности ЦСБ, которая подчинялась непосредственно чиновнику из управления делами экзархата Сумцову? Но ответ был прост: доверять милиции было небезопасно. Доверять националистам из УНСО – глупо. Оставались бандиты. Из них и сформировали службу. Вопрос, кто ее возглавит, не стоял. На эту роль подходил только один человек – Сумцов. В его же ведении и компетенции была безопасность Церковного банка. Так велела Матушка. Матушка Елена Александровна.

Откуда появился Сумцов, кем он был до этого, не знали даже в СБУ, «Беспеке» – службе безопасности Украины. Он не значился ни в каких архивах, выжать из него лишнее слово было невозможно, его общение с архиереями и с высшим духовенством не выходило за рамки деловых контактов. Сановники боялись его, на них наводил страх его горящий взгляд, который заставлял собеседники все время думать, что он находится как минимум у аналоя* с евангелием в руках перед таинством евхаристии*.

Охранники (снаружи кафедрального собора их насчитывалось не более десяти) были одеты в строгие черные костюмы. Возле центральных ворот с рацией крутился их старший распорядитель в длинном замшевом плаще модного покроя Демьян Петелицын. Сумцов предупредил его, что если в собор попадет хоть один репортер, кроме заранее проинструктированного, что, кого и как ему снимать, хозяйка будет крайне недовольна.

В главном зале, увешанном золотой парчой, десятком хоругвей и другой помпезной атрибутикой, неподалеку от алтаря столпились сановники, напустив на себя важности пуще положенного. Дождавшись, когда Матушка Елена пройдет к почетному сидалищу, они по ее благословляющему взгляду поняли, что можно подходить на поклон. Матушка со скучающим видом принимала поклоны владык, позволяя иным целовать руку, на изящных пальчиках которой красовались два ажурных бриллиантовых перстня. От малого входа тянулись попы, соблюдая субординацию. Они не решались подойти к Матушке и посему приветствовали ее издали, а уж затем в такт монотонному пению церковного хора продвигались к ложе митрополита.

Лишь в горделивой осанке пожилого епископа Володимира и открытом взоре архимандрита Пимена из Ровно читалась непокорность. Они не соизволили подойти к Елене Родионо-

вой и брезгливо поглядывали на сановников, которые вели себя в церкви, словно пребывали на светском рауте. Не подобает целовать руку женщине. Кошунственно допускать ее к алтарю святая святых – Софийского собора – Храма матери городов русских на таинство рукоположения, вернее перерукоположения... Филарет тоже не удостоился их поклонов.

Батюшка Володимир подошел к поглощенному молитвой Пресвятой Богородице архиепископу Мстиславу и выразил ему свое почтение. Володимир еще не знал, какую он совершил ошибку, делая ставку на удрученного болезнью старика Мстислава. По его прогнозу, на Всеукраинском православном Соборе именно Мстислава должны были избрать патриархом свободной от Москвы единой украинской церкви, и это впоследствии действительно свершилось, однако роль, уготованная «канадцу», да и всем его преемникам, была незавидной, а в силу преклонных его лет – еще и недолгой. Максимум, на что мог рассчитывать местоблюститель – так это на статус свадебного генерала. Лишь Филарет имел реальные рычаги управления, в его руках была казна метрополии, безоговорочная поддержка президента, наконец, в его распоряжении находились люди, которых в девяностые боялись все, кому дорога была жизнь.

Володимир полагал, раз Филарет не отважился на интронизацию и согласился на подчиненную роль в патриархате, значит положение проигравшего претендента на Московский куколь зыбко и на Украине. Так рассудил сановник из Галичины, дружный не только с автокефалами, но и с греко-католиками Львова. Он видел себя на месте Филарета и хотел завоевать расположение старика Мстислава. Он знал, как задеть за живое почетного старца.

– Владыко, посмотрите на этот срам, архимандриты совсем стыд потеряли, – чуть заметным кивком указал он в сторону алтаря. – Она ведь не облачена никаким церковным саном, а держится, как особо царствующая. Она крутит епископом Симеоном, как только захочет. Он ее боится.

– И ты предался наушникам-искусителям, клеветникам и лжесвидетелям. Разносишь пагубные сплетни, мол Симеон нарушил данные обеты перед Спасителем и Богородицею? Мол осквернил монашью плоть свою грехом? – спросил Мстислав.

– Взгляните на сына этой женщины, его зовут Андрей, он как две капли воды похож на Симеона. Это ли не доказательство? Как может нарушивший обет целомудрия и благоговения быть в окружении митрополита Филарета? Куда смотрел Синод?

– Не называйте при мне этого исчадия ада. Я признаю только автокефалию, мне московский Синод не указ. А насчет Симеона... Не верю я сплетням и наговорам, где доказательства? А может, кривотолки Москва исторгает? Как бы не пришлось тебе, Володимир, каяться за навет.

– Владыко, сожалею, что не услышан был, – епископ Володимир откланялся и с поникшей головой пошел к иконостасу. Мстислав же погрузился в тягостные размышления.

Мальчики в сутанах выходили из ризницы, неся на бархатных подушках епископский жезл и митру. Пресвитер Симеон, протеже Филарета, принимал по милости Матушки сан архиепископа, вернее перепринимаю рукоположение из рук старца Мстислава. Просто предыдущее его рукоположение было далеко от всех канонов – московских, киевских, константинопольских, да и вообще православных...

Украина обрела независимость, в одночасье став крупнейшим государством Европы, обладающим территорией, доселе невиданной для сотканной из лоскутков земли. Без боя ей достался Крым, регулярная армия и флот на Черном море. Осталось приватизировать церковь. Чтобы раз и навсегда уйти из-под опеки Москвы. Когда церковь занимается политикой, она отдалается от своего истинного предназначения – нести свет. Быть расколу... Быть смуте.

*омофор – принадлежность богослужебного облачения архиерея. Надевается на плечи и символизирует заблудшую овцу, принесенную в дом на плечах добрым пастырем (*здесь и далее примечания автора*).

*аналой – подставка для книг и икон. Используется при богослужениях в православии.

*евхаристия – таинство, при котором верующие христиане вкушают Тело и Кровь Иисуса Христа под видом хлеба и вина, соединяясь через этот акт взаимной жертвенной любви с Богом и переживая страдания Иисуса.

Рим. Ватикан. То же время.

Кардинал Анджей Пински не хотел назначать официальной встречи аббату Бенито Потрезе, члену совета управляющих одного из банков Ватикана. Не хотел, потому что ему были ни к чему инсинуации недоброжелателей. Однажды его уже пытались уличить в намерении организовать польское лобби в борьбе за папский престол, а в 1978 году намекали на его заинтересованность в скоропостижной смерти тогдашнего Папы. Однако он пресек эти бредни. Никогда его личные интересы не пересекались с интересами Ватикана, никого не почитал Пински так, как преклонялся перед заместителем Бога на земле Папой римским. Кардинал Пински, будучи радикальным клерикалом, согласно своим убеждениям, жил ради веры. Однако нападки на него прекратились только того, когда Папой стал поляк Иоанн Павел Второй...

Судьба распорядилась так, что семилетним мальчиком Анджей стал воспитанником ксендза Лукаша, настоятеля Перемышленского костела на Западной Украине. Старик Лукаш заменил Анджею отца, настоящий отец Анджея умер, а мать была законченной алкоголичкой.

За два дня до начала войны, 29 августа 1939 года, наставник, предвидя недоброе, отправил Анджея с сопроводительным письмом в Швейцарию, в закрытый лицей монашеского ордена иезуитов. Лишь в 1945 году, когда война закончилась, орден помог Анджею узнать о том, как сложилась судьба Лукаша – три года сталинских лагерей и мучительная смерть от брюшного тифа. Теперь у Анджея не было дома, куда можно было вернуться, не было отца, у которого можно было испросить совет. Осталась лишь вера. Домом Анджея стал орден, отцом – Папа римский. Он в одиночку, без чьей-либо помощи сделал карьеру. Анджей Пински многого добился, ныне он был кардиналом и одновременно одним из высших иерархов монашеского братства иезуитов.

Аббат Бенито Потрезе тоже состоял в ордене, но его слово не было столь весомым. Братья недолго любили Потрезе. Мало того, что иезуиты считали его хамелеоном – перебежчиком, до недавнего времени Потрезе гордился членством в ордене францисканцев. Репутация аббата была подмочена связями, хотя и недоказанными, с неаполитанской мафией.

Но однажды в руки кардинала Пински попала секретная докладная записка для Конгрегации Священной Канцелярии, блюдеющей за чистотой доктрины веры, писанная рукой Потрезе...

С момента прочтения документа Пински обратил свое внимание на Потрезе. В докладной записке было много витиеватостей, но больше было конкретики. Речь шла о Восточной Европе, в частности, об Украине. Дело касалось кредитов для некоей особы и субсидирования очень любопытного долгосрочного проекта. Содержание записки не могло не вызвать интереса Пински. Он давно занимался проблемой, затронутой в документе.

Пински знал, что Потрезе жаловался генералу ордена на высших духовных иерархов, которые, по его словам, не воспринимают его разработки всерьез. Кардинал Пински почти не сомневался, что ни один из высоких братьев, состоящих в Конгрегациях Римской курии, не соблаговолил принять не в меру суетливого аббата, а когда кардинал попросил своего викария порыться в журнале, то оказалось, что Потрезе записывался на прием и к нему.

Прежде чем пойти на контакт с Потрезе, Пински разузнал все, что можно, о ходатае и только после детального изучения полученной информации назначил короткую аудиенцию. Встреча растянулась на три часа. После этого разговора Пински стал ярким сторонником проекта Потрезе.

Пински организовал выступление Бенито Потрезе на закрытой коллегии своих единомышленников, нескольких высокопоставленных братьев ордена. Презентация проекта имела положительный резонанс, хотя Потрезе и пришлось отвечать на вопросы. Один из братьев спросил аббата:

– А стоит ли сотрудничать с личностями явно мафиозными?

Доводы Потрезе были весьма правдивы:

– Я считаю, что только в союзе с конкретными людьми, закрыв глаза на их моральный облик, можно достичь желаемых целей. Христос отпустит нам грехи, ведь они свершатся ради благого дела. В отличие от трусливых униатов с Галичины, откровенных иждивенцев, среди которых нет ни одной деятельной натуры, особа, на которую я возлагаю свои надежды, без боязни берется за дело.

Кардинал Пински хотел остаться в тени. Он решил не афишировать свои симпатии к Потрезе, чтобы в случае удачи разделить с ним лавры победителя, а случае провала иметь полное право обрушить на него гнев вместе с другими. Таковы были законы братства. В ордене царил атмосфера тайной полиции, где думали одно, говорили другое, делали третье, а в результате выходило четвертое. Кардинал Пински не достиг бы таких вершин, не владей он в совершенстве искусством, которому обучался с детских лет. Но в глубине души Пински сочувствовал Потрезе, этому волевому человеку, который не испугался взять ответственность на себя. Он молился, чтобы все получилось. Восточные земли – это и Перемышль, его родина, там жил и верил старик Лукаш, там надругались вначале над его святой верой, а затем отобрали жизнь.

На следующее утро Потрезе должен был вылететь на Украину. Кардинал пожелал встретиться с аббатом до отбытия того на Восток. Они встретились на площади Святого Петра и медленно, прогулочным шагом пошли в направлении галереи Боргезе. Там раскинулся прекрасный парк, под сенью его деревьев можно было побеседовать непринужденно, без страха быть услышанным.

Кардинал Пински был высоким худощавым человеком 62-х лет. Логическим продолжением его впалых щек был острый вытянутый нос, на котором плотно сидела тонкая золотая оправа круглых очков. Он выглядел моложе своих лет, его карикатурная внешность очень шла к его репутации виртуоза интриги. Пински был облачен в сутану. Аббат Потрезе был в мирском одеянии. В костюме Потрезе скорее походил на метрдотеля в ресторане, нежели на аббата. Всеми виной был лукавый взгляд и лысый череп с зализанными космами, встающими гребнем при малейшем дуновении ветерка.

– А вы как всегда опоздали, – с укором произнес кардинал. Он оставил более волнующие темы напоследок. Площадь кишела туристами, неутомимо щелкающими фотоаппаратами и объективами любительских видеокамер. Кто знает, может, кто-нибудь из этих туристов вместо обыкновенных ушей оснащен локаторами ордена. О главном лучше говорить в более укромном месте. – Да, Бенито, на пять минут опоздали.

– Надеюсь, падре, вы не сердитесь на меня? Такому пунктуальному человеку, как вы, трудно простить нерасторопность, – с деланным сожалением вздохнул Потрезе.

– Пунктуальность иногда тоже вредит и даже может стать причиной несчастья. Вы же помните историю папы Иоанна Павла Первого? Папа жил по строжайшему распорядку... Кардинал пересказал историю, которую в Ватикане знал чуть ли не грудной младенец. Каждый новый день Папа начинал ровно в шесть часов утра, просыпаясь от дребезжания своего будильника. Будильник безотказно звонил много лет. Но однажды по неведомой причине зазвонил на десять минут раньше. Папа встретил смерть в своих покоях с присущей ему улыбкой именно в эту секунду. Только Богу ведомо, как могло случиться такое совпадение.

– Да. Я слышал что-то такое... – ответил Потрезе. Он понял, в чем дело и продолжил игру. Он пересказал так же общеизвестную версию, ставшую притчей во языцех. – Ходили

слухи, что будильник зазвонил не сам по себе, что в последний раз его завел тот, кто знал, во сколько скончается понтифик, тот, кто готовил ему утренний кофе.

– Это было самое короткое папство. Всего 33 дня. Предзнаменованием его скоростной кончины многие считают смерть делегата Москвы, этого экумениста* митрополита Ленинградского Никодима* прямо на коронации бедного Папы-оторока Альбино Лучани*.

– На счет этого прозвища – «Отрок»... Это ведь и впрямь инфантилизм – отказаться он средневековой традиции, от церемонии коронации, от тиары. Как можно было заменять интронизацию мессой на паперти. Есть атрибуты, на которых зиждется порядок. И окончательный, тем более демонстративный отказ от притязаний на светскую власть, лишь вредит столпу веры, коим является Папский престол.

– Мне близки ваши чаяния. Но все же более вредны были заигрывания понтифика с Москвой. Эти экуменистические друзья были нам ни к чему. Их показная демагогия далека от их реальной доктрины. И у них семь пятниц на неделе. Варвары. Их следует крестить в истинной вере силой, усмирив тем самым их непомерные амбиции и гордыню. Надо же – окрестить себя Третьим Римом!

– Абсолютно с вами согласен, падре. Мы совершаем крестовый поход и сейчас подходящий для этого момент. Это будет самый некропролитный поход в истории. Мы делаем благодеяние руками горделивых варваров. Пусть они растопчут друг друга, очищая путь нашим мессионерам!

– Пусть здравствует помазанник Божий Папа Иоанн Павел Второй. И пусть вечно исходит от него Божья благодать, – скрестив запястья, произнес кардинал. Они миновали площадь Петра и вышли к парку Галереи кардинала Боргезе. Здесь можно было говорить, не опасаясь лишних ушей.

– Да, кстати, о пунктуальности, – вкрадчиво произнес кардинал. – Не думаю, Бенито, что вы сочтете возможным опоздать и на завтрашний рейс. Или, может быть, вы так и сделаете? Может, одумались? Не хотите теперь взвалить на себя такую ношу? Ведь могут быть неприятности.

– Если бояться – то лучше не жить. – В глазах Потрезе сверкнула молния.

– Женщины – коварные существа, – задумчиво произнес Пински. – Но вы, Бенито, почти убедили меня в самостоятельности вашей сеньоры.

– Ставка сделана...

– Я не играю в азартные игры, это грех. И вам советую сторониться этих ипподромов, где люди теряют рассудок, делая свои ставки на лошадей. В людей вселяется дьявол. Не хочу, чтобы вы, Бенито, уподоблялись таким людям, им все равно, к кому взывать, к Богу или к дьяволу, лишь бы сорвать куш.

– Это правда, но мы волею Божьей вовлечены в игру.

– Оттого и терзают меня сомнения. Раз это игра, в которой делают ставки, значит, во всем есть дьявольское начало. Да и лошадка ваша может поскакать по той беговой дорожке, по которой сочтет сама нужным скакать.

– Пусть скачет хоть наперерез, лишь бы первая пришла к финишу.

– Но всякую игру должны контролировать орбитры.

– Для орбитров найдутся веские аргументы.

– Не все такие беспринципные. Неужели эта особа – лучший вариант?

– Бесспорно. Вы же читали все мои отчеты. И те, что касаются вашей исторической родины, падре. Никогда больше не возвратит былой славы и мощи Речи Посполитой Польша, никогда она не сможет влиять на события в Восточной Европе больше, чем Россия, и не станет Ченстоховский костел Меккой для паломников-славян Украины и Белоруссии. Вы падре, сами говорили, что я своею горькой правдою развеял ваши заблуждения. Нам нельзя упускать такой шанс. Эта женщина для нас – просто мессия.

– Я вижу, вы влюблены в свою сеньору, – изумился кардинал.

– А вы как думали? Ее можно любить, она прекрасна, как цветок.

– Кактусы тоже цветут. Почему вы уверены, что мадам не будет тратить деньги на личные нужды, на свои собственные проекты, никак не связанные с нашими, – Пински сделал паузу, – вернее, вашими проектами? Я, например, не понимаю, так ли важен для нас этот Крым.

– Ее желания совпадают с нашими. У нас общий враг. Эта леди – орудие праведного гнева. Наш меч. Наша пушка. Леди Gun, так сказать. Настал час свершения великой миссии.

– Что это вдруг вас, Бенито, потянуло на аллегии и высокопарность? Женщина не может быть мессией. Надеюсь, вы не храните апокрифы в своей библиотеке? – Кардинал не устроил ответ, построенный на общих фразах. – Миссия действительно великая. Только омрачает ее величие то, что приходится прибегать к услугам сомнительной особы гангстерского толка, но вас-то, Бенито, такие пустяки не растрогают, уж вы-то находите общий язык с мафиози даже здесь, в Италии. – Эти слова рассердили Потресе.

– Сейчас я сомневаюсь, что вы на моей стороне, а ведь мне так помогли ваша поддержка и участие. Что с того, что у меня действительно исповедовался Петруччи – человек искренне раскаивающийся. С такими, как дон, можно иметь дело. Эта женщина напоминает мне дону. Она так же страдает, уж поверьте мне, я знаю людей.

– Я тебе верю, – примирительно произнес кардинал, остановившись возле одной из многочисленных уличных кофеен, – Я знаю, ты не отступишься от своего, ты даже не задумаешься над тем, что в случае неудачи курия откредитится от тебя. Ты мне нравишься, я буду молиться за тебя. Посмотри на солнце. Как оно прекрасно. Выпьем по чашечке эспрессо на этой замечательной веранде и в добрый путь, Бенито. Что может быть прекраснее чашечки кофе и ясного неба ранним божественным утром...

Официантка поднесла чашку кофе и зеленый чай.

– Не смущайтесь, Бенито. Чай для меня. Эта девочка знает, что я не люблю кофе.

* экуменизм – идеология всехристианского единства.

*митрополит Ленинградский и Новгородский Никодим (Ротов), возглавлявший Отдел Внешних Церковных Сношений до 1978 года и известный своими экуменистическими взглядами, скончался от инфаркта во время его приёма новым главой Католической церкви Иоанном Павлом Первым после поднесенной ему чашки кофе. Этот трагичный эпизод был истолкован католиками как плохое знамение для нового понтифика, предположительно так же отравленного поднесенной чашкой кофе.

*Альбино Лучани – имя Папы Иоанна Павла Первого до интронизации.

* апокриф – произведение позднеиудейской и раннехристианской литературы, не вошедшие в библейский канон и не признанное «богодухновенным».

Черный «роллс-ройс» в сопровождении эскорта из трех «джипов-чероки», излюбленных «Росинантов 90-х», мчался по шоссе в сторону границы с Польшей. Елена Родионова спешила во Львов на важную встречу, которая могла коренным образом повлиять на ход творимых ею преобразований. Эта встреча должна была состояться в церкви Святого Юра под сенью строгой секретности.

Свою безопасность она вручила мощному союзнику и партнеру Левону, папе одной из сильнейших бригад львовских рэкетиров, контролирующих весь центр города от площади «Рынок» до «стометровки», Краковский базар и «тучу» на стадионе «Украина». Его влияние распространялось также на границу с Польшей, где люди Левона собирали мзду с туристов.

Левон не мог не выполнить просьбы Родионовой организовать ей встречу под его «крышей»

с инкогнито из Италии. Это было делом чести. Тем паче, всегда приятно помогать людям, к которым в будущем, быть может, самому придется обратиться с просьбой. Такого варианта Левон не исключал, хотя всегда старался обходиться своими силами. Он обладал деньгами и связями, но сейчас перед ним стояла проблема с приватизацией Гранд-отеля, который являлся собственностью другого человека, иностранца канадского происхождения, который по какой-то роковой случайности недавно был обнаружен в Стрийском парке с простреленной головой. Для решения подобной проблемы могли понадобиться большие связи на самом верху, а такие были только у Родионовой.

Елена Родионова не интересовалась планами Левона, она ехала во Львов с одним намерением – получить гарантии от итальянского гостя касательно денег, больших денег. Совсем не обязательно это должны быть кредиты. Быть может, ей удастся получить безвозмездные средства, ну может быть, частичные кредиты, и то по льготным процентам. Родионовой было о чем подумать в пути.

Она сидела слева на заднем сидении лимузина. Рядом находился ее ближайший советник и управляющий Борис Сумцов. Она называла его просто... Боря. Водитель и начальник охраны Петелицын были отделены от них толстым стеклом автоматической изоляции. Борис, не переставая, сыпал предостережениями. В последнее время, когда Елена обрела обширный простор для инициативы и окончательно развязала себе руки, благодаря связям в политических кругах, увещевания осторожного Бориса стали ее раздражать. Родионовой казалось, что заостря внимание на незначительных деталях, ее советник упускает суть. Она понимала, как он ее любит, помнила то, что сделал для нее Борис. Но эти воспоминания утратили первоначальный блеск, который стерло неумолимое время. Лишь любовь Бориса была ему неподвластна и только усиливалась с годами. Что до Елены, то бросив пренебрежительный взгляд на своего визави, она вдруг на секунду задумалась, таким ли должен быть ее ближайший помощник, ее правая рука.

– Похоже, у нас появились оппозиционеры среди епископов, – снова заговорил Борис. – Епископ Володимир вновь сотрясает воздух. Ему покоя не дает происхождение твоих детей. Архимандрит Пимен тоже ворочит нос от Симеона и теперь уже открыто склоняет всех к покаянию, хотя сам возвращаться под пяту посаженного Москвой правящего экзарха не собирается.

– Видно, думает, что Володимир будет править, – продолжила за Бориса Родионова. – Патриарший куколь сам по себе еще не власть. Этот стукач завис в воздухе между националистами, стариком Мстиславом и нашими деньгами. Все хочет их посчитать. Никак не решит, куда податься. Почуял, что ему ни тут, ни там не светит, мечется как угорелый, туда-сюда. От беготни и дурости своей заделался теперь сплетником и клеветником. Тебя ли, Боря, учить, как ему язык подрезать... Да нет, я не об этом. – Она угадала значение его взгляда. – Стоит ли руки марать. Ну, сунь ему в морду справку из детского дома об усыновлении. Хотя нет, что я, говорю, – разве я обязана отчитываться перед насекомыми. Ой, почему, я должна думать об этой ерунде. В конце концов, влей им обоим в горло по бутылке водки и сдай в вырезатель. Когда проснутся, станут смиреннее, а нет, так повтори процедуру. Будут препираться, пригрозишь, что их снимки в неприглядном виде опубликуют на первых полосах всех таблоидов!

Борис понял по глазам, что Елена шутит. Если она над чем-то иронизировала, значит, вовсе не придавала теме значения. Он был уязвлен, но не подал вида. Однако Елена заметила его замешательство и сказала уже серьезно:

– Боря, сам посуди, что могут сделать эти букашки. Пожужжат и перестанут. Кстати, дедушке Пимену я симпатизирую. Он напоминает мне покойного отца. Та же непоколебимая вера, та же слепая убежденность – непротивление злу насилем... Он хоть не ищет «крышу» в милиции, или в рядах этих унсовцев. Давай лучше поговорим о наших делах в Крыму.

– Что толку в этих разговорах? – отозвался Борис. – Ты отрядила туда Роланда, даже не поставив меня в известность. Не лучше было отправить Петылицына с группой. Не боишься, что Роланд устроит там Хиросиму?

– Не сердись, это было единственной правильной мерой. К тому же его командировка будет краткосрочной, но, я не сомневаюсь, очень эффективной. Лучше в зародыше пресечь всякие поползновения на сопротивление. Страх – тормоз любого действия.

– Страх зачастую стимулирует действие, а паника иногда заставляет бежать не от врага, а навстречу ему... – вздохнул Борис.

– Роланд раз и навсегда покончит с врагами. – отрезала Матушка. – Мертвые не кусаются. К тому же они послужат наглядным примером живым, чтобы те, в свою очередь, не повторяли ошибки мертвых и не совали свой нос, куда не надо.

– А что, собственно, они нам сделали? Разве мы не поступаем так же? Просто пришли прошупать, под чьей «крышей» сидит твой сосунок, предложили свой потолок. Я не вижу ничего зазорного в том, если бы мы для отвода глаз согласились на их услуги. А теперь я не знаю, чем могут обернуться усердия Роланда. Уж он то, конечно, постарается...

– Ты до сих пор не осознал весь масштаб того, что я делаю, в частности, в Крыму. Я не желаю, чтобы мой человек даже понарошку доверился бы какой-то самодеятельности, какой-то шайке недоносков, как бы они себя ни называли: охранное бюро, агентство телохранителей. Я не хочу иметь ничего общего с малым бизнесом. Я посадила своего человека под государственную «крышу», пусть его бережет «родная» милиция. Когда недоброжелатели чувствуют силу, то превращаются в друзей.

– Это смотря какие недоброжелатели. Бывают и такие, которые, почувствовав чью то силу, демонстрируют свои мускулы.

– Боря, ты все говоришь в пику. Это легче всего! Не приходится даже думать. Ты сомневаешься в наших способностях противостоять любым врагам?

Борис не ответил. Елена деланно улыбнулась:

– А нет, так нечего болтать. – После долгой паузы она продолжила, – Роланд в Симферополе решит попутно еще один вопрос. Он касается золота заброшенного храма. Этот владыка Василий нас обманывает. Очень вяло нам помогает, зато делает много лишних движений, слишком рьяно выслуживается перед Москвой, хочет остаться чистеньким в глазах Синода. Одним из первых предал анафеме Филарета и упал в ноги новому экзарху. От владыки Василия в любой момент можно ждать подвоха. Его двурушничество негативно отразится на развитии филиалов Церковного банка. Он может оборвать цепочку следующих одно за другим событий. Волчок уже крутится. Роланд Кутаталандзе в Симферополе, положишься на его профессионализм.

«Приговор отцу Василию был подписан, но ведь назначение на его место нового человека зависит не от нее. Крымская епархия находится под юрисдикцией посаженного Москвой правящего экзарха Украинской православной церкви. Что даст смерть отца Василия?» – подумал Борис.

Родионова как будто услышала его немой вопрос. Она сказала:

– Неразбериха во время смуты лучше порядка. Тебе представится возможность в этом убедиться. Скоро многое изменится. Все будет по другому!

Борису было обидно, что она не посвящает его в свои планы. Раньше она говорила ему все. Теперь было иначе. Она стала гораздо скрытнее и держала его на расстоянии. Елена оставила Бориса в неведении даже о своей поездке в Италию в прошлом месяце. Кроме того, лишь в последний момент он узнал, что за тайные переговоры с человеком из Рима будут проходить во Львове. Его чуть не парализовало от неожиданности, так как Борис не предполагал, что Елена так скоро отважится на такое.

Оказалось, что она не шутила. Она хвасталась с умыслом, когда говорила, что Филарет так же безболезненно сменит автокефалию на унию, как сменил Московскую патриархию на независимую концессию, а если будет надо, то она собственноручно сделает ему обрезание, и он без вопросов будет поклоняться пророку Мухаммеду.

– Духовные отцы стремятся к мирскому могуществу, алчут власти и денег. Они даже не инструмент власти, они хотят возвыситься над ней. Над небесами... Сначала вера превращается в религию, а потом религия – в инструмент управления чернью.

Тогда Борис упрекнул ее:

– Церковь ведь – это не только источник распрей и мракобесия, она ведь и дом Божий вне зависимости от того, кто этим домом управляет.

– Я бы не стала жить в доме, хозяин которого мне противен. Бог может жить везде, он вездесущ... – парировала Елена.

– Почему же ты выселила его из своего сердца?

– А может ему самому там не нравится...

Он знал, почему она так сказала. Знал, почему утратила веру. Но не понимал, почему время не стирает ее боль, а лишь ожесточает ее сердце, в котором место держалось только для злобы и для мести всем подряд. Даже ему...

Да, теперь было очевидно, что она не шутила. Потому что гостем из Рима был ни кто иной, как аббат Бенито Потрезе. Лицо, имеющее прямое отношение к финансовой политике Ватикана. Протекция монашеского ордена иезуитов открыла Родионовой ворота в бездонные сейфы ватиканских банков. Но ей стоило больших трудов убедить правых клерикалов, что только она в состоянии сделать всю украинскую церковь вотчиной Ватикана. Не сразу. Вначале надо сделать промежуточный шаг, укрепить автокефалию, чтобы полностью отгородиться от Москвы. А на этот оглушительный раскол нужны деньги, большие деньги.

Эти деньги она просила у иезуитов, обещая, что вложенные средства окупятся сторицей. Она доказывала, что нельзя медлить. Нужно сейчас отсечь от Московской патриархии соборы и приходы Восточной Украины и Крыма, все еще находящиеся под юрисдикцией Синода. Она уверяла иерархов ордена, что если сейчас не заняться этими регионами, особенно подверженными влиянию Москвы, то они будут потеряны для автокефалии навсегда. Она лукавила, но говорила уверенно и проникновенно, что будет всячески содействовать утверждению унии на Украине, что именно это она считает конечной целью своей программы... Это дело не одного дня. Оно не свершится само собой без солидной финансовой инъекции. Ей нужны были деньги.

Иерархам ордена не надо было объяснять, что сколько-нибудь крупные дела – пустой номер без финансовой подоплеки. К тому же они знали, что в этом деле на народный энтузиазм полагаться не следует, народ-стадо, пойдет той тропой, какой пастух с собаками прогонит. Реальным проводником тех планов, что вынашивали иезуиты, мог стать только конкретный надежный человек. Присмотревшись к Родионовой, они поняли, что наткнулись на то, что искали.

Итогом встречи был вывод: Родионова способна внести немалый вклад в великую миссию, которая на этот раз должна обойтись без массовых жертв. В Ватикане решили, что Родионовой дадут деньги на почти бескровный крестовый поход. Почти бескровный...

Визит Потрезе был ответным. Бенито Потрезе прибыл во Львов инкогнито в цивильном костюме. Место переговоров выбрали не случайно. Греко-католики уже фактически хозяйничали во Львове, многие православные приходы были захвачены силой не без помощи муниципальных властей. Львов был готовым плацдармом для обращения Украины во всемирную веру и приобщению ее к «истинной духовности».

Родионова просчитала все ходы вперед и играла по крупному. Она поставила в известность о прибытии гостя из Рима президента страны, который в эти дни пребывал в политической агонии, стараясь любыми путями удержаться в своем кресле. И удержать, по возможности, в существующих границах расползающееся государство. Экономический кризис набирал обороты. Русско-говорящие области клонили страну к конфедеративному устройству, особенно в этом преуспел Крым, у которого уже была собственная конституция и который грозился провести референдум о статусе республики. Отделение Крыма имело все шансы стать прецеден-

том. Допустить этого президент не мог. В Крым потихоньку стягивались войска. Но одно дело – рисковать креслом, используя силовые методы в решении территориальных споров, а другое – просто благословить чужую попытку украинизировать Крым мирным путем.

Он не верил в способность Родионовой что-либо изменить, хотя знал – в расколе Московской патриархии эта женщина играла хоть и не первой скрипкой, но, в любом случае у нее была сольная партия. Он поддержал ее тогда, почему бы не помочь теперь. Все средства хороши. Может, у нее что и получится.

... Когда «роллс-ройс» пересек городскую черту, в небе показались два военных вертолета. Услышав шум винтокрылых машин, Борис переполошился: что это?! Ничего особенного – Левон встречал Матушку. Вертолеты летели параллельным курсом, следуя чуть впереди вереницы автомобилей. Длинная нарядная гирлянда протянулась дугой от одной «вертушки» к другой. Загремели выстрелы, в небе взметнулись красные ракеты, салютировавшие в честь прибытия дорогой гостью. Когда вдалеке показался жилой массив, вертолеты исчезли.

На зеленой поляне в десяти километрах от городской окраины горели костры. На мангалах готовился шашлык из только что забитого барана, окровавленная голова которого валялась тут же. Стол, накрытый кипельно-белой скатертью, ломился от яств и напитков. Скрипач орудовал смычком. Звенела цыганская гитара. Рядом с лесопосадкой, как на выставке, сверкали «Мерседес» Левона и два его джипа «Чероки». Левон встретил Родионову словами:

– Я счастлив вас видеть, Елена Александровна! Дорогая, почему так редко у нас гостите? Знаю, дела, но смилуйтесь, небольшой фуршет на природе – это обязательно. Дела подождут, а шашлычок и фрукты – нет...

Левон улыбнулся своей самой радушной улыбкой. Родионовой понравилось его гостеприимство, но не удивило. Это было в порядке вещей.

Когда гости перекусили, Левон предложил всем пострелять по жестяным банкам и мишеням, приколоченым к деревьям. Мишени, исполненные из толстой фанеры, представляли собой контуры человеческих фигур. На столиках, стоящих на расстоянии ста метров от мишеней, лежало разнообразное оружие – от пистолетов до ручных пулеметов. Родионовой бросилась в глаза винтовка-«винчестер». Левон, Борис и телохранители разобрали остальное. Все подождали, когда шелкнет затвор «винчестера». После того, как Матушка нажала на курок, раздался шквал огня. Некоторые мишени разлетелись в щепки.

Стрельба прекратилась. Родионова пожелала посмотреть свою мишень. Из семи выстрелов одна пуля угодила в голову фигуры, две в грудь, больше попаданий не было.

– Для женского пола результат отличный! – откомментировал западенец.

Родионова получила удовольствие от стрельбы и от того, что она попала. Она даже удивилась, что ее может тронуть такая ерунда. Левон предложил Елене Александровне «шарахнуть» из гранатомета, но она отказалась, сказала, что шума сегодня было уже достаточно, а про себя подумала: «Как, впрочем, и понтов. Этот болван мог бы догадаться, что первым делом мне нужен душ».

Впереди был напряженный день, который принес долгожданный результат. Она получила то, что хотела. Деньги. Ватикан выделил ей пятьдесят миллионов долларов. Первый транш в размере двадцати одного миллиона являлся безвозмездным. Ее не напугала та ответственность, которую она на себя взяла. Она чувствовала в себе силы вершить даже невозможное.

Севастополь. Крым

Все началось за год до фактического раскола и анафемы Филарета. Тогда Филарет еще был Киевским митрополитом и членом Московского Синода. Этим людям понадобилась зачем-то юридическая крыша епархии. Сперва отец Василий, благочинный Севастопольского округа, пытался убедить их, что не в его компетенции решать столь сложные финансовые

вопросы без ведома митрополита. Но ему сказали, что со стороны митрополита Филарета претензий не будет, что счета госбанков ненадежны и деньги церкви должны храниться в коммерческих банках.

Аудиенция у Филарета в Киеве длилась сорок минут. Отец Василий изложил «свое» предложение о причащении епархии к бизнесу, дабы изыскать средства на восстановление и реконструкцию увядших от времени соборов, на благотворительные деяния церкви. И хотя мотивировка была железной, Филарет не соблаговолил дать ответ тотчас, и отец Василий отправился в Севастополь ни с чем.

Сомнения полностью исчезли, когда в покоях благочинного прохладной сентябрьской ночью раздался звонок. Владыка Филарет недвусмысленно дал понять, что не возражает. И тогда батюшка понял, что им играют. Возможно, сам Филарет и инициировал увод счетов митрополии из госучреждений в на скорую руку созданные финансовые институты. Тягостные мысли не давали отцу Василию покоя. Целый год его терзали ночные страхи и мрачные видения. В них отец Василий пребывал в облике хромого зайца, ковыляющего на своих побитых лапах от наступающего волка.

Отец Василий, не лишенный здравого смысла и дара предвидения, стал понемногу понимать, что к чему. Все стало отчетливо ясным, когда Филарета прокатили на выборах Московского патриарха, и он переметнулся к раскольникам. Вместе с деньгами, от которых и след простыл. Протоиерей догадывался, на каких счетах осели средства большинства приходов. И очень боялся вопросов симферопольского владыки, ревностного сторонника посаженного Москвой на Украине нового митрополита. Как ни старался батюшка отогнать от себя недобрые мысли и свой страх, до конца справиться с ними он не мог. Этих бандитов он боялся не меньше. Его жизненным кредо было никогда не ввязываться в политические игры. Но, похоже он оказался в их эпицентре.

– Мы хотим, чтобы Церковный банк был обеспечен собственным золотым запасом, – говорил голос из трубки, – это послужит хорошей рекламой и придаст банку весомость. Я имею в виду драгоценности заброшенного храма, найденные на раскопках Херсонеса.

...От него хотят заполучить золото, на которое даже не составлен еще каталог. Эти ребята разнюхали о кладе за один день. Еще одна забота свалилась на его грешную голову...

С провозглашением независимости в Украине протоиерей Василий оказался меж двух огней. Поначалу он съехался от стремительных перемен в экзархате. Все происходило на глазах. Филарет теперь значился в раскольниках и сделался мальчиком для битья. Отец Василий должен был орудовать «битой» пуще других, дабы сохранить должность и уберечься от подозрений Москвы в содействии увода церковных денег на счета опального митрополита. С другой стороны, эти люди, связанные с отлученным предстоятелем... Они совсем близко, и у них изверские методы. А он всего лишь благочинный округа, даже не монах. У него детишки. Он своего сыночка в обиду не даст...

Лишь бы Синод не поставил под сомнение его благонадежность. Как лавировать в эпоху таких катаклизмов?! Все эти перемены были столь непредсказуемы, что единственным мериллом стабильности для отца Василия стали деньги. Их ему и предлагали шантажисты, волею судьбы ставшие партнерами. По сути своей он был далек от бизнеса. Из всех качеств, присущих предпринимателям, он обладал только скупердяйством. И не таких праведников губила жадность...

Осунувшийся за последний месяц отец Василий судорожно всхлипнул в телефонную трубку, вытер потный лоб и тихо произнес:

– Как вы собираетесь поступить с драгоценностями? О них, по меньшей мере, знают человек сто. И пресса уже писала о находке.

– О репортажах можете не беспокоиться, мы инсценируем вооруженное нападение и похищение прямо из вашей обители. Нужно только, чтобы вы приказали перенести ларец в

свои покои. Якобы для составления каталога и определения стоимости изделий ювелирами. Причем это нужно сделать в ближайшее время. Иначе вы неминуемо увязнете в распрях с администрацией по поводу права на клад. Не волнуйтесь, все будет чисто. От вида пистолета у всех сердце уйдет в пятки. Сразу после операции вы получите все остальные бумаги, а ваш счет в банке удвоится.

Через пять дней город потрясла ужасающая новость: на святую обитель, резиденцию благочинного протоиерея, совершено разбойное нападение, похищены драгоценности, отец Василий найден в собственных покоях с простреленной головой. Убит так же прислужник и двое лучших в Крыму ювелиров.

Головокружительная карьера удачливого и процветающего бизнесмена Антона Шаруна не давала покоя никому в Севастополе. На фоне всеобщего прозябания только один его сверкающий офис в центре города бросал вызов всем. Отличительной чертой этого Бог весть откуда свалившегося на головы севастопольцев мультимиллиардера было то, что он делал бизнес открыто и вроде как у всех на виду. Он разъезжал на единственном в городе «линкольне» и давал интервью буквально всем городским газетам. В Севастополе с непрерывающим нарастанием блуждали слухи об отмывании Торговым домом Таврическим, владельцем которого являлся Шарун, то ли партийных, то ли церковных денег. Подобно герою известной сказки о гадком утенке, превратившемся в прекрасного лебедя, массовик-затейник одного из культурных учреждений города воплотился в бизнесмена от Бога, как стал называть его представитель президента Украины в Севастополе Иван Ломов.

Антон Шарун был молодым человеком двадцати семи лет от роду, довольно неглупым и элегантным; его кожа казалась младенческой. Глядя на его слащавое личико, можно было предположить, что его щек и подбородка ни разу не касалась бритва. Лишь стертая эмаль нижнего ряда зубов выдавала разрушительную работу времени. Блатные и рэкет не могли взять в толк: откуда появился этот молокосос с миллиардами, и как это он мог «подняться» за один год прямо у них под носом? Они чувствовали, что Шарун – «подстава», и томились желанием разузнать, кто за ним стоит.

Прощупать «фраера» решил Арсен, под чьим контролем была пара городских супермаркетов, ювелирные мастерские и ночной клуб. Доверенное лицо Арсена, стопятидесятикилограммовый Макс, никогда не расстававшийся с бейсбольной кепкой, пришел днем в офис к Шаруну, рассчитывая быстро обставить дело и уже вечером укатить на своей вишневой «девятке» в Ялту с очаровательной молодкой.

Шарун еще не переехал в свою новую резиденцию на Ленина, объединенную с филиалом загадочного церковного банка. Макс нашел его в старом офисе, в районе Камышовой бухты.

В приемной Макса спросили о цели визита. Он не замедлил ответить, что пришел к владельцу Торгового Дома с выгодным предложением и был бы очень благодарен, если бы Антон Юрьевич выслушал его немедленно, так как он очень спешит. Его пустили в кабинет. После вежливого приветствия Макс сказал:

– Я представляю организацию, которая готова предложить вашей фирме некоторые услуги за договорную цену.

– А о каких услугах идет речь? – с блеском в глазах спросил Шарун.

Макс был уверен, что Шарун прекрасно знал, о чем идет речь. Макса в городе знали все, и если он к кому-то приходил, то во всяком случае, не точить лясы.

– Эти услуги заключаются в благосклонности нашей организации к вашей организации и искренней готовности в любой момент прийти на помощь. Прошу великодушно извинить, мне

надо идти, неотложные дела. О своем решении сообщите по этому телефону. – Макс неуклюже швырнул визитку на стол бизнесмену.

В этот же день в пустую машину владельца Торгового дома прямо у здания его магазина, подложили бомбу. Приобретенный на днях «опель колибри спорт» превратился в железный лом. Отлетевшей от взрыва дверью придавило оказавшуюся рядом маленькую девочку, ее в тяжелом состоянии забрала «скорая». Еще двое прохожих получили незначительные ранения, отделавшись легким испугом.

Через два дня блатные и рэкет с тревогой восприняли новость о кровавом убийстве Арсена, которому вскрыли вены в сауне. Изуродованный труп непосредственного исполнителя задуманной Арсеном операции с бомбой нашли в одной из бухт пригородной Балаклавы. Макс пропал без вести. В последний раз его видели в Ялте, в гостинице «Ореанда». Он исчез, даже не сдав ключей администратору, оставив в одиночестве в гостиничном номере своего белокурого «цыпленка». И тогда городские авторитеты решили обратиться за советом к крымскому папе, дядюшке Цезарю, чье бунгало возвышалось на скале мыса Фиолент.

В день похорон Арсена, несомненно, больше всех радовался лучший в городе художник-каменотес, на совесть выполнивший полученный заказ. Надгробное изваяние из черного гранита «габбро» с объемным портретом усопшего, обрамленным в неповторимый орнамент, могло бы посоперничать с бюстами у Кремлевской стены, и даже самое предвзятое жюри застряло бы на перепутье: какому памятнику отдать главный приз.

Покрытые золотом буквы напоминали тончайшую гравировку музейного экспоната. Безукоризненная симметрия обелиска, исполненного в виде увядшего кленового листа размерами с автомобиль, заставляла усомниться, что это дело рук обычного, нигде не обучавшегося ремеслу скульптора парня. Тем паче никто бы не поверил, что художник со своим напарником смастерили все это за два дня.

Каменотес был по-настоящему счастлив. Он взаправду считал, что ему отвалили денег с явным перебором. Он бы согласился и на третью часть полученной суммы. Однако. Хозяин – барин, а он – не осел. Сколько предложили, столько и взял. Перепало и напарнику. Заведующую кладбищем, выделившую участок на аккуратно подстриженной клумбе в «почетном квартале», тоже не обидели. Она предоставило место из «личной брони». Хорошо вознаградили и сотрудников бюро ритуальных услуг, музыкантов и могильщиков.

В этот печальный день траурный зал, где родные и близкие прощались с покойным, был усеян венками как никогда. Администрация кладбища поспешно отменила другие похороны, назначенные на это время. За полученный от заказчика гонорар она готова была выслушать хоть тысячу упреков.

Самый приличный на вид в похоронном бюро катафалк еле-еле волочился в сопровождении бесконечной кавалькады иномарок по Большой Морской, пиближаясь к Церковному банку на Ленина. Неприкрытой угрозой прозвучали здесь десятки клаксонов.

Водитель катафалка вдруг заорточился и спросил у кого-то из братвы, нельзя ли ехать побыстрее. Ему надо было успеть в погребальную контору за очередным «клиентом» в ящике. Его сразу осекли, предупредив, что успевают всюду только тот, кто никуда не спешит, и что ему отрежут ноги, если он не будет ехать еще медленнее. Шоферу не надо было повторять. Он все понял.

На похороны Арсена съехалось много народу. Родные и знавшие Арсена близко люди его круга стояли у самой могилы. Чуть поодаль в одинаковых скорбных позах и примерно с одинаковым выражением лиц, подражая хозяевам, расположились опекающие их телохранители. Проститься с безвременно ушедшим и проводить его в последний путь пришли не только

крупные боссы – все, начиная от вышибал, рядовых бойцов рэкетирских бригад, барменов и заканчивая официантками, проститутками и танцовщицами, теми, кто имел с Арсеном лишь мимолетные контакты, прибыли засвидетельствовать свое почтение и отдать дань уважения усопшему. А если быть точнее и откровеннее – просто «засветиться».

Молоденькая стройная девчушка в мини-юбке не по ритуалу заливалась слезами не меньше супруги Арсена, делая вид, что личное неумолимое горе постигло ее юную неокрепшую душу. Арсена она видела только издалека, но тому был свидетель только Арсен, а значит, ее актерская наживка даст повод подумать, что она была близка с этим влиятельным мафиози. Если обман удастся, у нее есть шанс когда-нибудь обратиться за помощью к одному из присутствовавших здесь дельцов. Мало ли что может случиться. Главное, чтобы ее запомнили, размышляла хитрая девушка. Во всяком случае, уже одно только присутствие ее здесь многое для нее значило. Она восхищалась сама собой, что решилась прийти. Вот это зарисовка!

И таких здесь было не так мало. Вся «шушваль», имевшая «честь» когда-либо крутиться, вертеться, шестерить, выполнять мелкие поручения правящей в городе мафиозной элиты, была здесь, чтобы потом, в кругу себе подобных, с важностью и апломбом небрежно проронить: «Я был на похоронах Арсена».

Все расходы взял на себя дядюшка Цезарь, крымский папа. Этим жестом он показал, что считает убийство Арсена личной трагедией. По всеобщему мнению, только дядюшка Цезарь был в состоянии утрясти все неурядицы без суеты и лишнего шума. Власть и могущество этого человека были безграничны, и вряд ли в Крыму нашлись бы люди, способные серьезно поспорить с его силой. Да, так можно было бы сказать, если бы в Симферополе не жили братья Каблуки...

Появление в Севастополе молодого финансового магната Антона Шаруна было неожиданностью для всех, но только не для Цезаря. В то время как севастопольские воротилы суетились и делали глупости, дядюшка Цезарь наводил справки, и лишь обобщив собранную информацию, сделал выводы и определился, что и как надо делать. Когда дело касалось целостности его владений и сферы влияния, сидеть сложа руки Цезарь не мог. Не мог он также делать поспешных необдуманных шагов. Это было не в его правилах. Вглядываясь в лица присутствующих на панихиде Арсена местных и приехавших из других городов боссов, Цезарь понимал, что бросить копьё мести в сторону врага и тем самым положить начало войне в его власти, и никто из находящихся здесь дельцов не осмелится взять на себя это исключительное право. Бригаде Арсена не терпелось окунуться в бойню, но дядюшка Цезарь не хотел торопить события, он был уверен, что большинство из присутствующих, недооценивают Шаруна.

Время и место совещания дядюшка Цезарь уже выбрал. По окончании погребения его шустрый секретарь раздал пригласительные тем боссам и бизнесменам, кого Цезарь посчитал нужным видеть на совещании. На всех билетах Цезарь своей рукой написал приглашение посетить зафрахтованный специально для встречи круизный лайнер «Тарас Шевченко» одесского пароходства, пришвартованный на ялтинском пирсе. Корявые буквы и подпись Цезаря, не воспользовавшегося бесчувственным типографским шрифтом, указывали на доверительность и особую значимость назначенного мероприятия.

Кровавая расправа над Арсеном больше шокировала местных дельцов, чем напугала. Они не ожидали от желторотого чужака такой прыти. Однако Цезарь был намерен просчитать всевозможные ходы, а совещание на теплоходе призвано было прояснить ситуацию для всех. У дядюшки Цезаря не возникало иллюзий на этот счет. Он уже точно знал, откуда дует ветер, и поэтому не мог допустить смерти Шаруна...

Россия. Москва

За черным пластиковым столом, увенчанным бронзовой статуэткой бога торговли Меркурия, сидел грузный мужчина в синем клубном костюме от Валентино, застегнутом на золотые пуговицы. Его холеное ухоженное лицо испаряло узнаваемый запах «Каролина Херрера». В тонких губах торчала сигарета. Он втянул в себя дым, затем элегантно зажал сигарету двумя пальцами и красиво стряхнул пепел.

Он молчал. Сидящей напротив девушке в норковой шубе было беспокойно под его пристальным взглядом. Она прикидывала: видны ли ее длинные ножки, запакованные в ботфорты на шпильке. Решив, что не видны, она как бы невзначай, распахнула полы шубы и погладила свое колено, затем вдруг изобразила на лице расстройство, якобы обнаружив затяжку на колготках.

Взгляд человека сохранял все ту же безучастность. Девушке оставалось лишь ждать и разглядывать бриллиантовые запонки на манжете, выглянувшей из рукава его пиджака. Этот мужчина был большим человеком, а большие люди делают большие подарки. Но ее томила неопределенность ожидания. Она-то думала, что отделается сегодня минетом.

Уже месяц она жила в особняке этого человека. Он поселил ее в роскошных апартаментах с бассейном. Ей нравилось здесь все, кроме одного: выйти из особняка она могла только с разрешения этого человека или с ним. Обычно он вызывал ее, чтобы заняться любовью, но сегодня, похоже, у него другие планы. Сейчас она думала, что предстоит какая-то поездка. Толик, так называла она этого человека, велел ей одеться потеплее. Но почему же он молчит? Ехать так ехать. Здесь так жарко в шубе, а он молчит...

– Машенька, – наконец подал голос Толик. Девушка гордилась своей привилегией называть своего «папочку» по имени, остальные называли его Бейсик. – Машенька, я начал к тебе привыкать, это для тебя минус, – Бейсик говорил тихо, его глаза не моргали, – до тебя у меня была другая женщина. Твоя предшественница плохо кончила: длинный язык довел ее до цугундера. Я ей многое позволял, дал ей много прав, а она благодарила меня тем, что крутила за глаза дульки и общалась с кем попало. Пыталась привинтить мне рога и сделать оленем. Тебе интересно, чем она кончила?

– О нет, Толик, – ответила девушка, – мне это неинтересно. Ты же знаешь – я тебя люблю.

– Она тоже говорила «я тебя люблю», – у Бейсика шевельнулись веки. – А кончила «субботником» у жулья. Ее тело нашли в отстойнике.

Девушку передернуло, но она взяла себя в руки.

– Что за страсти ты мне рассказываешь, Толик, я тобой дорожу, я разве дала тебе повод в этом усомниться?

– Ты не треплешься ни с кем из прислуги, наверное, из-за того, что уверена – они все донесут мне. Ты хитрая и осторожная.

– Я не общаюсь с прислугой, это не мой круг, Толик.

– Мне нравится ход твоих мыслей, я позвал тебя, чтобы сообщить радостную для тебя весть...

Телефонный звонок не дал ему досказать. Звонить по прямому телефону, минуя приемную, могли только три человека: начальник личной охраны, главный управляющий и личный адвокат. Прибор поиска абонента высветил на электронном табло семь цифр: это был номер телефона, установленного в кабинете его адвоката. Кабинет находился этажом ниже. Бейсик поленился поднять трубку и буркнул в микрофон громкой связи:

– Зайди. – Его глаза вновь остекленели, он погрузился в свои мысли, забыв о девушке. Через минуту пришел адвокат с какой-то папкой.

– Может, я помешал? – обратился он к Бейсику.

– Адвокаты обычно помогают, а не мешают, – произнес Бейсик. Он строго посмотрел на девушку, на какое-то мгновение, зафиксировав на ней свой взгляд, затем сказал: – Ступай, маленькая, у меня дела.

Девушка не показала вида, что ей неприятно такое обращение. Она одарила Бейсика своей очаровательной улыбкой, метнув одновременно искрометный взор на вошедшего в самый интригующий момент адвоката. И только Бейсик понял, чем вызван и кому адресован этот палящий взор, сосредоточивший в себе затаенную злобу.

Не успела девушка закрыть за собой дверь, как Бейсик окликнул ее:

– Да, дорогая, я забыл сообщить приятную для тебя новость: теперь ты имеешь право выходить из дома в любое время. Я подумал – тебе захочется воспользоваться этим правом прямо сейчас. «Мерседес» в твоём распоряжении, так что оделась ты не зря... На улице мороз. Отныне у тебя полная свобода.

Девушка послала Бейсику воздушный поцелуй и закрыла за собой дверь.

Полная свобода... Адвокат все еще не осмеливался присесть. Он знал, что если Бейсик не указал на стул сразу, то придется ему докладывать о выполненной работе стоя. Адвокат был из тех людей, которые ощутили на собственной шкуре, что такое полная свобода в интерпретации Бейсика. У адвоката была своя история...

Намаявшись с рутинной в нарсуде, молодой юрист с радостью принял предложение о работе в коммерческой фирме. Два года работал на совесть, вникал в азы делания денег, да вник так, что решил усвоенную теорию воплотить на практике. Случай представился. Правление фирмы доверило ему сопровождать груз на зафрахтованном пароходе. Судно следовало в Африку с оборудованием для кирпичных заводов – так значилось в грузовой таможенной декларации. Под видом продукции кирпичных заводов провозили литий и цинк в слитках. Груз ждал адресат в Тунисе, но так и не дождался. Груз исчез вместе с провожатым...

Поиски не дали результата. И тогда фирмачи пришли на поклон к Бейсику. Выслушав ходяков, Бейсик взялся за дело, пообещав за хорошие комиссионные вернуть им деньги. Бейсику так понравилась афера, предпринятая юристом, что он расхохотался:

– Хваткий малый, мне самому такой нужен. Продайте мне его.

Фирмачи в недоумении пожалы плечами. Тогда Бейсик отсчитал им приличную сумму за еще ненайденного юриста. Кому-кому, а им этот прохода не нужен был и даром, но Бейсик по-своему ценил людей, а о том, что его ребята обнаружат пропажу в максимально сжатые сроки, Бейсик не сомневался.

Так и случилось. С судном разобрались мгновенно. Вместо Туниса, где его ожидали заказчики, корабль разгрузился в египетской Александрии. Там от груза и след простыл. Прошла еще неделя. И Бейсику доложили, где обосновался пропавший юрист. Юриста скрутили в Германии, в саду его коттеджа, выстроенного на Рейне, и доставили к Бейсику. Бедолаге оставалось одно – расплатиться, но участь его вобрала в себя еще и следующее – трудиться, как папа Карло, на Бейсика.

Кадр оказался настолько ценным, что Бейсик, плюнув на прошлое юриста-афериста, сделал его своим личным адвокатом. Как к работнику к нему не было претензий. Немудрено – работать плохо на Бейсика было по меньшей мере рискованно, особенно для раба, хотя и высокооплачиваемого. Такой незавидный статус личного юриста был удобен Бейсику, но сам Бейсик без задней мысли полагал, что дал юристу полную свободу...

– Ну, давай выкладывай, что накопал, – кивнул он адвокату, когда девушка вышла, – хотя постой, хочешь оценить, какая у этой курочки фигурка, как эта птичка порхает?!

Девушка, получив «вольную» с барского плеча, направилась к выходу из особняка. У массивной решетки-двери дежурил охранник, не поставленный в известность о том, что Бейсик теперь разрешает своей любовнице выходить за пределы здания. Поэтому вполне резонным был и его вопрос:

– Вам не жарко в шубе?

– А ты что, градусник?! – резко парировала она. Ее рассердила унижительная процедура объяснения с охранником. Звонить в приемную Бейсика по внутреннему телефону не потребовалось. Выручил водитель «мерседеса», показавшийся в дверях центрального входа. Он подтвердил слова девушки и предостерег охранника от излишнего усердия.

В этот момент на экране одного из мониторов в кабинете Бейсика появилось изображение фасада особняка. Скрытая видеочкамаера запечатлела крупным планом стройную фигуру девушки. Она грациозно спускалась по ступенькам к автомобилю.

– Ты смотри, какая пластика! – вслух восхищался Бейсик. – Дефилирует, как на подиуме. Я взял ее из агентства манекенщиц.

Но тут его словно ошпарило кипятком. Будь девушка в курсе, что папочка изъявит желание тайком за ней понаблюдать, никогда не допустила бы такого ребячества. Виновато оглянувшись по сторонам и удостоверившись, что за ней никто не наблюдает, она вытянула средний палец кверху и выругалась по-английски:

– Фак ю!

Бейсик над этим посмеялся. Его реакция на подобные вещи была неадекватна.

– Видишь, как эти мокрощелки благодарят за доброту? Ведь только что ее предупредил, чтобы не изгалялась, про бывшую свою рассказывал, а она буквально дульки крутит. У нее пуля в черепе. Не успела выйти и на тебе! Это мне-то «фак ю», ну ты гляди, это мне. Ах, сучка, – покачал головой Бейсик. – Они все одинаковые, у них память короткая, ну да ладно, с этой дурой я потом потолкую. Что там у тебя, читай. Мне уже интересно.

Бейсик подкурил потухшую сигарету. Адвокат раскрыл папку, но докладывал, не глядя в свои записи, по памяти:

– Родионова Елена Александровна известна как Матушка, довольно одиозная, достаточно колоритная фигура в Киеве. Занята в сфере финансов, большие связи с политиками. Для собственной безопасности создала специальное подразделение: церковную службу безопасности, по сути, легализованное воинское формирование из бывших спецназовцев, спортсменов и уголовников. Ее связь с высшим духовенством – отдельный вопрос. Причем, связана она не только с иерархами Киевского патриархата, которых московский Синод считает раскольниками, но и с Ватиканом. По неуточненным данным, ее крестники, юноша и девушка, на самом деле – ее дети от епископа Симеона – одного из высших иерархов автокефальной церкви. Если прикажете, выясним точнее...

– Продолжай, слушаю. – Бейсик вынул сигарету изо рта и выпустил клубок дыма.

– Выясним точно, – поправился адвокат, придав своим словам утвердительную тональность. – С церковью связана очень давно. Начиная с того, на чем сидела: антиквариат, церковная утварь, распределение подрядов на строительство и реставрацию храмов. Ныне переключилась на банковскую деятельность. Размеры активов ее Церковного банка засекречены, финансовая деятельность непрозрачна, по аналогии с нашей патриархией, Киевская автокефалия получила льготы на многие виды эксклюзивной предпринимательской деятельности. И вся эта деятельность проводится по счетам Церковного банка. В Киеве стоит под защитой крупной группировки Роланда Кутателадзе, грузинского авторитета из кутаисских «лаврушников». Поддерживает контакты с военными формированиями УНСО. В данный момент расставляет филиалы своего банка по всей Украине. Государственные структуры всячески ей содействуют, в Крыму по понятным причинам... по причинам продекларированной Матушкой лояльности к киевским властям, особенно. Это все. – Адвокат закрыл папку.

– А как насчет того, что врага надо знать в лицо? – поинтересовался Бейсик.

Адвокат ожидал ощутить на себе изумленный взгляд хозяина, когда протянул Бейсику снимок с портретом Матушки, добавив:

– Кроме этого нам удалось заполучить видеозапись одной торжественной церемонии – репортаж о передаче памятника древнего зодчества в лоно автокефальной церкви, на торжествах присутствовала Родионова, она стоит по правую руку от президента Украины во время богослужения...

Бейсик отреагировал на такую прыть своего адвоката холодно:

– Совпадает. – Он щелкнул по лежащей на столе папке, содержащей подробный отчет обо всем, что касалось Родионовой. Работу адвоката кто-то продублировал. Бейсик внимательно взгляделся в портрет женщины. – Красивая, – оценил он, – значит, такая же тварь, как все эти шлюхи, только у этой ко всем ее достоинствам еще и власть. Эта сучка опасна вдвойне. Крюку предстоит побывать в Киеве...

Бейсиком Бейсика окрестил его наставник, вор в законе по кличке Сибиряк, когда Бейсик еще был никем, а, вернее, был у Сибиряка в качестве «главного подай-принеси». Сибиряк заметил нешустрого паренька с ясной головой, подобрал его с улицы. Бейсик был детдомовским сиротой. Сибиряк стал воспитывать его на свой манер.

Глаза мальчика стекленели, когда он злился. Но он не плакал и не орал, как его сверстники, он запоминал. У парнишки была потрясающая память, и он очень любил считать: считал деньги, которые давал на карманные расходы учитель, считал, но жалел тратить, считал даже конфеты, которыми его угощали, считал все, что можно было посчитать. Может быть, из-за этой компьютерной памяти, которой обладал мальчонка, Сибиряк присвоил ему прозвище Бейсик. Бейсик поселился у своего наставника.

Сибиряк никогда не считал Бейсика своим приемным сыном. Он был жесток к нему, часто бил. В то же время Сибиряк, привязавшийся к своему протеже, был уверен, что из мальчонки будет толк. Бейсик рос и мужал в делах, которые раз за разом становились все серьезнее. Когда Бейсику исполнилось двадцать, это был уже прожженный жулик, у которого был верный расклад.

Шло время. Менялась политика. Сибиряк скоро учуял новые возможности и принялся теперь делать деньги нетрадиционными для блатных способами. И хотя многие из возникших коммерческих структур возглавляли бывшие ээки, для уголовного такой масти, как Сибиряк, это был нетипичный случай. Он перекрасился в коммерсанты, открыл холдинговую компанию.

Московская благота и раньше дивилась дружбе Сибиряка с цеховиками, а теперь кричилась, глядя, как он сам становится бизнесменом. Но Сибиряк стоял на своем. Он говорил Бейсику, который из шестерок уже выдвинулся в компаньоны:

– Мальчик мой, эти недоумки не могут понять, что время «малин» прошло. Настали новые времена. Посмотришь – всю эту шушеру скоро придавят настоящие ребята, большой бизнес. Они говорят, что вор не может стать барыгой, вор не должен торговать. Долго они не проковыляют с таким раскладом. Вот увидишь.

И Бейсик видел. Сибиряк поднимался вопреки желанию многих. По большому счету он был прав. Он отмахнулся от жулья и перестал ходить на воровские сходки. Сибиряк так увлекся деланием денег, что позабыл о своем старом ремесле.

Воры в законе точили зуб на Сибиряка и дали об этом знать... Когда «выставили» один из магазинов Сибиряка, тот побелел от ярости: вора обворовали! Придя на сходку без приглашения, он только спросил: «Кто?» И ему ответили:

– Ищи, коли сможешь. Ты теперь не вор, ты – барыга, а барыги ментам челом бьют.

Обозленный Сибиряк решил сам найти воров. Поиски привели к другой находке. Один из людей Сибиряка нашел несколько граммов свинца. Его голова прибавила в весе, когда ее продырявила пуля. Сибиряк приказал «валить» всех подозреваемых. Двоих блатных уложили наповал в тот же день. Разборка грозила обернуться войной, но это была непонятная война, с невидимым врагом. Не мог же Сибиряк противостоять всем ворами в законе. У каждого из них на прихвате был десяток «свистков», в любую минуту готовых стянуть удавку на горле Сибиряка. Его положение стало незавидным. Заплывшая жирком на завидных харчах бригада Сибиряка оказалась бессильной. Знал бы Сибиряк, кто именно придумал поиграть на его нервах, – самолично разорвал бы глотку. Но он не знал, да и, по правде говоря, он совсем сник.

Недоглядел Сибиряк, слишком явно пренебрег своими бывшими подельниками. Он был волк-одиночка. И они были волки. Но Сибиряк теперь понял, что новые времена заставили и их реорганизоваться в стаю, дабы быть независимыми от организованных банд рэкетиров. Под натиском молодой поросли рэкета блатные на воле просто должны были держаться друг друга. Чтобы выжить.

Бейсик тоже сообразил, что бывшие дружки не дадут спокойной жизни его наставнику. Сибиряку стоило заранее позаботиться о том, чтобы не утратить свой престиж среди блатных. Оказалось, недостаточно иметь собственную «крышу». Даже рэкету сподручнее было договориться с ворами, нежели идти с ними на конфронтацию. Мало ли что. Ведь и рэкетир, попав в зону, волей-неволей оказывался во власти воровских понятий. Лучше плохая дружба с блатными, чем хорошая вражда. Этот урок Бейсик запомнил на всю жизнь. Главное – хорошие отношения.

Сибиряк постарел. Ему стукнуло шестьдесят. Он ослаб. Бейсик видел, что деловая хватка его учителя пошла на убыль. Сибиряк после позорного фиаско в конфликте со сходкой плыл по течению и не собирался выкручиваться. Бизнес застыл.

Бейсик уже знал, как нужно повести дело, чтобы вернуть прежние темпы. Но ему мешало одно обстоятельство... От его наставника осталось только одно – мудрость. Однако Бейсик считал и себя далеко не глупым. К тому же он понял, что даже мудрые дальновидные люди, такие, как его учитель, не застрахованы от ошибок. Бейсик стал думать. И это не скрылось от глаз его наставника.

«Да, мальчик, ты далеко пойдешь, – размышлял про себя Сибиряк, глядя на то, как деловито рылся и черкал в бухгалтерских книгах Бейсик. – В тебе столько энергии и совсем нет жалости. И ты готов переступить через труп твоего наставника». Бейсик оторвался от книг и взглянул на Сибиряка. Они встретились глазами и улыбнулись друг другу. «Да, ты хитер, как бес, и ты любишь считать, – думал Сибиряк. – Ты уже просчитал, как тебе выгодна моя смерть. Это послужит трамплином для твоего возвышения. Свалив меня, ты обретешь то, чего так жаждешь, – власть. И заодно выслужишься перед жульем. Они ведь считают меня паршивой овцой и ждут – не дождутся, когда я наконец выйду из игры. Кто меня скovyрнет? Конечно же, ты, мой мальчик, тебе это нужно. И я не стану тебе мешать. Это Провидение».

Спустя три дня один из его «свистков» доложил, что Бейсик побывал у паханов. Сибиряк не принял мер, он не мешал Бейсику. Он знал, что на карту поставлена его жизнь, но он хотел умереть именно так, от руки своего ученика. Спустив курок, Бейсик закрепит пройденную программу, сдаст экзамен на зрелость, на зрелость волка. Только такой исход своего пути Сибиряк считал верным. То учение, которое он передал своему ученику, проповедником которого он являлся, предполагало в данной ситуации два возможных решения – либо умрет он, либо его пасынок. Сибиряк уже выбрал, Бейсик, в свою очередь, тоже выбрал.

Бейсик вошел в кабинет своего наставника поздним вечером, когда Сибиряк отпускал телохранителя. Он зашел с заряженным пистолетом. Единственное, чего он не мог предположить, так это то, что его наставник знал о цели его визита.

– Я принес показать, что придумал наш бухгалтер. Сам только что разобрался, – сказал Бейсик. – Он тут такое натворил. Налоговикам и не снилось. Комар носа не подточит. Почти половина прибыли останется за кадром без всяких оффшоров. Шедевр черной бухгалтерии.

Сибиряк смотрел Бейсику прямо в глаза, пытаясь уловить хотя бы каплю сострадания. Нет, ничего подобного не было. Бейсик спокойно достал пистолет и нажал на курок, улыбаясь. Последним, что видел Сибиряк, были вспыхнувшие глаза его ученика. Бейсик сдал экзамен по предмету той программы, что вложил в него Сибиряк, на «отлично». Одним выстрелом в упор сразил своего наставника. Он стал волком, приобретя волчий билет в одну сторону. В ту самую, откуда нет обратной дороги, и где на конечной станции во веки веков снимаются рукотворные короны.

Возглавив дело, Бейсик перестал заигрывать с жульем. Он стал окружать себя надежными людьми. Подбирал в свою бригаду таких, которые были не способны импровизировать. Ему нужны были люди, беспрекословно выполняющие его приказы. Очень скоро Бейсик стал сам себе крышей. Это для него прошло без осложнений, за исключением пары стычек с бывшими опекунами. Это не была война, скорее, позиционные маневры. Но Бейсик не спешил отхватить как можно больше территории. Он делал себе имя. Бейсик знал, как себя поставить.

Первым делом Бейсик уладил отношения с ментами в своем районе, очищая их руками территорию от мелких конкурентов. Если за кого-то ходатайствовала блатная верхушка, он прислушивался. Его стали уважать. К нему начали обращаться.

Новой ипостасью его деятельности, превратившейся в одну из основных статей его дохода, стал отлов неуловимых. У Бейсика были только ему одному подвластные методы. Найти человека, который не хочет, чтобы его нашли, – пожалуй, эту работу Бейсик делал лучше Интерпола. Но заказчики обычно просили Бейсика не только найти человека, но и вернуть то, что этот человек был должен...

Понятие «долг» имело в их среде многогранную трактовку. Должник необязательно тот, кто взял у кого-то взаймы и не расплатился или не выплатил вовремя проценты по кредиту, нет. Должника назначал заказчик, а цену – исполнитель. Бейсик разбирался детально, без обиняков. Он мог ответить отказом даже на очень дорогой контракт, когда чувствовал, что «предъявля левая», обвинили человека понапрасну. Очень скоро в блатном мире за эту свою правильную переборчивость он снискал столь весомый авторитет, что был коронован в присутствии чуть ли не всех «аристократов преступного сообщества»...

Но чаще заказы принимались. Когда должника находили, то вежливо советовали ему вернуть долг. Предполагалось, что долг будет возвращен строго в установленный Бейсиком срок. Гарантом пунктуальности должника служил заложник, желательно член его семьи, или же сам должник. Это в том случае, если за его долги брались рассчитывать родственники, друзья или заинтересованные лица. Не уложившись в срок, должник рисковал стать посаженным на «счетчик», чаще всего посуточный, но нередко почасовой. Заложник после включения счетчика обычно подвергался физическому надругательству. Если должник начинал чудить – в это понятие вкладывалось в том числе обращение в милицию – заказчик информировался, но заказ не снимался, так как люди Бейсика были застрахованы от любых обстоятельств связями своего босса. К тому же такое поведение должника теперь уже причиняло обиду самому Бейсику, его репутации. Счетчик становился поминутным.

Не прошло и полгода, как бригада Бейсика стала одной из сильнейших группировок, а его коммерческие структуры процветали.

Расцвет могущества Бейсика пришелся на начало девяностых. Он основал коммерческий ТОМО-банк и одновременно несколько благотворительных фондов, включая «Дети Чернобыля», «Беспризорники России» и «На свободу с чистой совестью». Первые два фонда освобождали его от налогов, а последний являлся его добровольным налогом – «гревом» для сидящей братвы.

Скоро настал момент, когда Бейсик решил поднять свои штандарты, чтобы еще раз заявить о себе, но теперь уже в полный рост. Настал этот момент еще и потому, что в Москве лютовала чечня...

Открыто в войну с чеченской группировкой вступил Зураб Гонсадзе, признанный авторитет, слово которого чтители воров в законе. Автоматные очереди рассекли городские улицы и возвестили о начале междоусобной войны между кланами чеченцев и грузин.

Бейсик сделал безошибочный ход. Заявив Зурабу о своей поддержке, он на деле оказал ему лишь символическую помощь: с подачи Бейсика московская мэрия издала постановление об усилении паспортного режима. Менты прочесывали город, задерживали всех подозреваемых. В основном с кавказским типом лица. Шерстили гостиницы. Кто-то дал «набой» на чеченские квартиры. Выяснилось, что на жилплощади каждой такой квартиры умудрялось прописаться по двадцать человек чеченской национальности.

Бейсик держал ситуацию под контролем, а своих боевиков наготове. Однако идеальным вариантом Бейсик считал субсидирование бандитов Зураба. Но шайка этих разбойников не оправдала его надежд. Чеченцы были сильнее. К тому же обильная финансовая подпитка находящихся под чеченским колпаком банков давала о себе знать. Зураб, напротив, все наглее тербил Бейсика, требуя все больше денег на продолжение войны.

Скоро чеченские лидеры пронюхали, что за спиной Зураба стоит Бейсик. Они знали, что бросить вызов Бейсику – все равно, что вырыть себе могилу, знали, что у Бейсика была вышколенная бывшими спецназовцами мобильная армия вооруженных до зубов головорезов и что оснащена она боевыми вертолетами. Но пугали чеченцев не эти формирования, и даже не связи Бейсика с политиками и высшими госчиновниками. Этого добра у них самих хватало. Чеченские лидеры были в курсе, что Бейсик имеет прямой выход на Лубянку.

Взвесив все «за» и «против», чеченский клан посчитал, что лучше зыбкий мир, чем затяжная война с сомнительным исходом. Они готовы были не только пойти на пересмотр сфер влияния, не только отказаться от своих притязаний к землям Зураба, но и открыть Бейсику доступ к некоторым из своих кормушек. Чеченцы понимали, что надо спешить. Склонить Бейсика к сепаратному миру было возможно только до того момента, пока его люди не вовлечены в бойню. На проведении мирных переговоров с Бейсиком упорно настаивал и чеченский Координатор в Грозном, хотя был уверен, что потенциальные возможности московской организации не исчерпаны. Он убеждал, что следует принять любые условия Бейсика, лишь бы тот согласился на мир. А там видно будет.

Московская штаб-квартира чеченского синдиката строила свои отношения с Грозным на партнерских началах. Московским лидерам чечни не нравился тон Координатора. Но война отнимала силы и время. Чеченцы несли потери и расходы, и они постановили: выйти с предложением о мире к Бейсику, принять его условия вплоть до отторжения части подконтрольных чечне территорий. Но... Их не устраивал вид побитой собаки. Московский клан хотел сохранить свое лицо, отомстить за братьев, чьи жизни оборвал Зураб.

Была организована новая акция. Чеченские боевики изрешетили автоматными очередями «пontiак» и джип с головорезами Зураба. Кровавое месиво произошло возле гостиницы «Космос». Патрульные милицейские машины застали на месте зверского побоища лишь бездыханные тела, пробитые пулями. Потеряв одного, чеченцы убили восьмерых. Погиб и родной брат Зураба – Мамука Гонсадзе. Зураб вышел из себя. Придя к Бейсику, он стал орать, требуя от Бейсика немедленного вмешательства. Бейсик оборвал его словами:

– Говори тише, не маши руками. Мы не на базаре.

Часом раньше у него побывали чеченские парламентарии. Бейсик оставил их без ответа. Но чеченцы не торопили его. Бейсика торопил Зураб. Это и повлияло на решение Бейсика. Бизнес есть бизнес.

Но, отдав на заклятие Зураба, Бейсик рисковал утратить свой высокий рейтинг среди авторитетов. Его могли посчитать шакалом. У Бейсика созрел план. Дабы избежать распространения нежелательных слухов о себе, Бейсик начал распускать слухи о Зурабе. Они дошли до воров в законе.

– Зураба чечня щемит, он порожняк включил, не отомстил за брата, сыграл невнятную обратку и собрался с Москвы чухнуть. Его уже свои опускают.

Слухам поверили. Почва была подготовлена. Теперь Бейсик стал торговаться с Чечней. Надо было подороже продать Зураба. Вопрос об угодьях, где «колядовал» Зураб, не стоял. Все они вместе со страховой компанией «Ромис», принадлежащей Зурабу, после того как Гонсадзе «склеит ласты», отходили к Бейсику. От чеченцев Бейсик предпочел взять контрибуцию, размеры которой были равны активу одного из чеченских банков. Но в последний миг, когда сделка была почти заключена, Бейсик поставил еще одно, последнее, условие...

– Зураба должны замочить свои.

Это подтвердит гуляющие о нем слухи и исключит возможные слухи о Бейсике. Такая постановка в корне меняла ранее достигнутое соглашение. Чеченцы были изначально в роли проигравших войну, раз речь шла о контрибуции. Но для них имело значение другое – внешний эффект, то впечатление, которое произведет в преступном мире чеченская роспись на черепе Зураба. Они заботились о своей репутации тоже. Хотели всем замазать глаза. Они думали, что платят Бейсику не только за мир, но и за поддержание собственных понтов.

Но Бейсик не мог допустить несостыковки. Если Чечня приложилась к Зурабу, и это стало очевидным, то непонятным выглядел итог – сфера влияния Зураба отходила к Бейсику, вернее, к его человеку, без боя с чечней. Бейсик не хотел лишних вопросов. Почему не впрягся за брата? Как могло получиться – чечня хотела земли Зураба, теперь Зураб мертв, а земли достались Бейсику?

Все смотрелось бы по-другому, если б Зураба приговорили свои. Его район передавался бы в ведение не кого-нибудь, а в порядке вещей оставался бы за человеком, подконтрольным Бейсику. Считалось бы при этом, что Бейсик не участвовал в разборке. Он остался Зурабу партнером. Он пошел на деловую меру, стал сотрудничать с человеком, заменившим Зураба после внутренней разборки. Так было верно. Но чечня теряла при этом право поставить последнюю точку в войне. Спорили долго. Тут Бейсик наехал:

– Братки, я гляжу, вы что-то недопонимаете. Кто с поднятыми лапками пришел? Я у вас мира не прошу. Не хотите моих условий – будем дальше продолжать «пиф-паф». Тогда и Зураб пусть живет. Я ему не только словом, делом подсоблю. И тогда кому-то из нас, или мне, Бейсику, или вам, ребятня, наступит «краилово». Ну что, будем дальше упрямыться? Или будем по делу, без понтов базарить? Шо вы меня замолаживаете, как девицу? Еще раз говорю: Зураба похоронят только в том случае, если его привалят не чеченцы.

Наезд не подействовал должным образом. Чечня зацепилась за компромисс. Пусть Зураба оприходует кто угодно, пусть это будут не они, но и не свои. Чтоб никто точно не знал, кто это сделал. Бейсик уступил, потому что для него это не имело такого принципиального значения, как для чеченцев. Исполнить акт он поручил человеку «слева». Профессиональному убийце по кличке Крюк.

Зураб выходил из офиса страховой фирмы. Баллистическая экспертиза установила место, откуда стреляли. В маленьком дугообразном окошечке чердака соседнего дома была обнаружена аккуратно уложенная крупнокалиберная хорватская винтовка «RT» с оптическим прицелом, снайперское предназначение которой было весьма спорным, но эффективность которой в хорватско-сербском конфликте 90-х была доказана не только на живой силе, но и на технике. Преступник оставил оружие на месте преступления. Налицо был почерк профессионала. Все, даже менты, оценили, что с Зурабом расправились серьезные люди, которым свойственен

«черный юмор», сдобренный славянской широтой, ведь не зря хорваты прозвали свое изобретение «ручной пушкой».

Если бы Бейсик не жил по таким законам, то не достиг бы того, что имел. Эти законы гласили, что мир делится на волков и овец. Если ты волк, то живи по волчьим законам. Если ты овца, то сиди и сопи в две дырочки. Бывало, овца, чтобы выжить, выдавала себя за волка, рано или поздно обман раскрывался. Овца отвечала за ложь. Случалось, овца, чтобы выжить, толкала в волчью пасть другую овцу, послабее. Но это была лишь временная передышка. Встречались овцы, до которых волкам было трудно добраться. Эти овцы паслись в самой сердцевине отары, но проходило время, и живой заслон сокращался, теперь уже эти овцы щипали травку совсем близко от затаившегося волка. Бывало, и волк, чтобы выжить, отбивал добычу у другого волка, послабее, и опускал его до уровня овцы или убивал. Так поступил Бейсик с Зурабом. Он сделал все верно. По тем понятиям, по которым жил.

Наступила новая эра – эпоха расцвета империи Бейсика. Бейсик доминировал в Москве, но борьба продолжалась. Началась война за филиалы.

Скоро настала очередь Крыма. Московские конкуренты распрощались с надеждой заполучить этот райский уголок. Их смущала государственная принадлежность полуострова. Но для Бейсика не существовало границ и таможен. Он всегда следовал сообразно собственной логике. А ему представлялось, что ситуация в Крыму благоприятна для его планов. Бейсик располагал достаточной силой, чтобы влиять на политику. Его усилия были одобрены поддержкой деловых кругов, рвущихся на неосвоенный рынок.

Проведя конфиденциальные беседы с рядом ведущих политиков, банкиров и предпринимателей, он сделал вывод: Крым стоит того, чтобы им заняться. Он начал действовать с дальним прицелом... Сегодня Крым в составе Украины, а завтра, глядишь, и нет. Примерно так обстояли в Крыму дела в начале 90-х...

Бейсик установил контакт с крымскими боссами. В Крыму довольно самостоятельно правили дядюшка Цезарь в Севастополе и симферопольские братья Каблуки. Они не стали пренебрегать предложенной Бейсиком дружбой и сотрудничеством в области финансового капитала и курортного бизнеса. Для крымчан дружба с Москвой была козырем в рукаве при плохой карте.

Цезарь, к примеру, не скрывал своей проблемы от Бейсика. Карта у Цезаря действительно не шла. Нельзя сказать, что все складывалось из рук вон плохо. Обычные внутренние неурядицы. Отчасти он сам был виноват, хотя, дабы втереться в доверие к Бейсику, он заявил, что больше страдает от вмешательства извне.

Цезарь говорил Бейсику то, что Бейсик хотел услышать. Заигрывая с москвичом, он ненавидел его всеми фибрами души, так же, как тех, кто лез в его вотчину из Киева, Донецка и Кавказа. Хитрость заключалась в том, чтобы стравить львов, и наблюдать за ними с безопасной ветки. Однако, соперничать в коварстве с Бейсиком изначально было небезопасно.

Разведка Бейсика и на этот раз сработала четко. Источник проблем обнаружился быстро. Знакомство с врагом произошло заочно. В борьбе за сферу влияния столкнулись два гиганта. С одной стороны это был Бейсик, с другой – Елена Родионова. Эта борьба была чем-то вроде локального конфликта, но территориальные споры выходили за рамки государственного менталитета. Сцепились два монстра преступности. Его сопернице пока было невдомек, кто развязал войну. Ее неведение было на руку Бейсику. Он затеял большую игру, которая стоила свеч. Речь шла о территории, по площади, превышавшей Сицилию, о курортах Южного берега Крыма, где в свое время выстроили для себя шикарные дачи руководители СССР.

Два шустрых сорванца лет пяти в цветастых шортиках драли друг другу чубы в песочнице. Малыши не поделили совок. Девочка со сползшим набок бантиком вначале не обращала

на мальчиков внимания, Машенька была занята уничтожением муравейника. Сымитировав свистом падение авиабомбы, она топнула напоследок ногой, задавив с десяток муравьев. И тут решила оставить ненадолго свой безжалостный геноцид насекомых. В песочнице разворачивались события куда интереснее. Она подбежала к драчунам. Толька из пятой группы, малыш покрупнее, держал перевес. Бориска сопротивлялся из последних сил. Но по всему было видно, что Толик вот-вот повалит его на землю. Так и случилось. Толька коварно подставил ножку, и его соперник рухнул в песок. Но на этом поединок не закончился. Толька имел намерение положить Бориску на лопатки, чтоб раз и навсегда поставить точку в споре о совке. Предмет разногласия торчал в песке неподалеку от дуэлянтов.

Девочка не видела, из-за чего подрались мальчишки, но симпатии ее были на стороне Борьки. И дело тут было не в жалости к менее сильному. Просто Борька дарил ей иногда жвачку, а у Тольки не выпросишь даже драного клочка изоленды.

Девочка, недолго думая, схватила совок, зачерпнула добрую горсть песка и швырнула песок Толику в лицо. Но слегка переборщила. Не увернулся от попадания и Бориска. Оба мальчугана заорали от жгучей рези в глазах и зарыдали в унисон, забыв о незаконченном разбирательстве.

К детишкам уже бежал их воспитатель, Михаил Иванович. Эх, разве уследишь за двумя десятками сорванцов! Опять напакостили, натворили чего-нибудь и подрались. Михаил Иванович, уже немолодой, слегка сгорбленный дядечка в мятой белой панамке с козырьком, вмиг выяснил, что произошло. Ребяшня любила своего доброго воспитателя. Сразу нашлись очевидцы. Несколько малышей наблюдали за дракой с мачты деревянного кораблика, установленного в центре игровой площадки детского садика. Пацанва не оказалась рядом с драчунами лишь потому, что играла в пиратов. Зато все видела.

Их капитан Сильвер, пятилетний Женька, который в воображаемую подозрительную трубу первым увидел происходящий инцидент в песочнице, скомандовал:

– Курс на драку! – И мальчишки, пересилив любопытство, подчинились. Игра так игра. Она представляли, что плывут к месту потасовки. Представляли точно так же, как крохотная Надюшка, сидящая на чугунной лошадке, представляла, что скачет к песочнице верхом. Она озвучила конский галоп: «Тык-дык, тык-дык, тык-дык».

Детишки окружили Михаила Ивановича, Женька был рад похвастаться своей осведомленностью о происшедшем между Толиком и Борькой конфликте, не забыв вставить в свой рассказ собственное мнение о том, кто из претендентов имел больше прав на этот совок. Надюшка тоже все видела, но вредные мальчишки не давали сказать ни слова. А ведь ей так хотелось тоже что-нибудь рассказать. Надюшка нашла, что добавить:

– А Маша муравьев давила.

Она во всех красках рассказала, как Машенька разрушала муравейник.

Перед воспитателем нарисовалась полная картина того, что случилось в песочнице. Мальчишки перестали реветь, резь в глазах прошла. Они стояли, понутив головы, ожидая, что последует наказание. И теперь им было все равно, что злополучный совок держит в руках Машенька.

– Разве можно драться из-за такой ерунды? – причитал воспитатель. – Когда вы научитесь уступать друг другу? Вы что думаете, все споры надо решать с помощью силы? Если бы взрослые поступали так, уже давно была бы война. Опять ты, Толик, ищешь кого послабее. И так знают, что ты – мальчик крепкий. Зачем тебе постоянно доказывать свою силу, выставлять напоказ свои мускулы? Уважение так не зарабатывают. А вот если бы ты, Толик, уступил, отдал совок Бориске, представь, как бы все удивились. Вот, сказали бы, какой у нас Толик справедливый. Как он хорошо поступил. Так заслуживают авторитет, а не с помощью кулаков. А ты, Мария? – Он пожурил девочку. – Они хоть пацаны, а ты же – девочка, будущая девушка, хочешь врачом стать, как мама, людей хочешь лечить, а сама муравьев убиваешь.

Как ты можешь? Ведь они же живые, они же тоже жить хотят. А ты над живыми существами экспериментируешь, поступаешь, как фашисты в концлагере.

– А красные муравьи плохие. Это черные хорошие, – попыталась сквозь слезы оправдаться Машенька.

– Кто тебе сказал такую глупость? Все муравьи пользу приносят. Им природа жизнь дала, а ты эту жизнь отнимаешь. Кто тебе дал право решать, жить этим мурашам или нет? Почему ты такая жестокая? Обрадовалась, что они беспомощные, а если придет какой-нибудь великан и будет тебя давить своей огромной ступней? Как ты этих муравьев. Тебе это понравится? Жестокость порождает жестокость.

Девочка плакала навзрыд.

Михаил Иванович еще долго мог философствовать в этом роде, поучая малышей. Но вдруг он заметил, что возле калитки остановился перламутровый «порш». Из него вышел высокий, элегантно одетый мужчина в ярко-красном галстуке. Михаил Иванович узнал этого человека. Этот человек приезжал к нему всегда, когда Бейсику требовались его услуги.

«Придется сегодня оформлять отпуск без содержания», – подумал Михаил Иванович.

– Ну, все, ребятки, прогулка закончилась, всем мыть руки перед обедом.

Толик и Бориска побежали первыми. Они были рады, что дядя Миша забыл их наказать.

Киев. Украина

Самолет ТУ-154 совершил посадку в бориспольском аэропорту Киева. По трапу спускался немолодой, слегка сторбленный человек. На нем был щегольский бордовый костюм. Кипельно-белый воротничок его рубашки стягивал модный зеленый галстук, пристегнутый к рубашке вычурной заколкой, пальцы сжимали ручку кожаного кейса с цифровым кодом. В этом человеке трудно было узнать воспитателя детского садика в белой пожеванной панамке. А ведь это был тот самый дядя Миша, наемный убийца Крюк, получивший заказ Бейсика.

Он сел в такси. До Киева 30 километров. Адрес на Крещатике водиле знать не стоит. Добросит до центра, и ладно. Придется прогуляться пешочком до снятой заблаговременно квартиры. Там все необходимое для исполнения контракта...

Севастополь. Крым

С размаху, метнув увесистый шар в выстроившиеся кегли, Цезарь вновь уселся в шезлонг. Шар с грохотом покатился к стройному ряду и, ударив по нему хлестким шлепком, снес все кегли до единой.

– Страйк! Как всегда твоя взяла, – пробормотал коренастый тип, бритая голова которого была посажена на бычью шею. Не сказав больше ни слова, мордорот подал Цезарю большое махровое полотенце и устроился в соседнем кресле. Этого человека звали Ваня Хватов: он был известен как рэкетир, работающий на Цезаря.

Глядя со стороны на Хватова, можно было подумать, что его сморщенный лоб и нахмуренные брови – свидетельство работы мысли. Но сейчас на Хватова со стороны смотрел только Цезарь. А уж Цезарь-то знал, что Хватов не думал сейчас ни о чем. Да, Хватов обладал редкой способностью ни о чем не думать в присутствии дядюшки Цезаря, потому что знал: за него думает Папа.

Цезарь, отпив глоток апельсинового сока, раскрыл газету, затем оторвался от нее и бросил изучающий взгляд на своего верного пса, имеющего на все случаи жизни одно выражение на плоском лице, которое навечно утрамбовал бокс. Цезарь не собирался отдавать распоряжение, ему хотелось поговорить о том, что его волновало...

Цезарь не боялся делиться с Хватовым самым сокровенным. Он ему доверял. Доверял потому, что Хватов был своеобразным собеседником. У этого крушили в ушах помещалось сито, сортирующее слова Цезаря на приказы, которые надлежало выполнять, и не обязательную для усвоения информацию, которая вылетала из его головы сразу. В этой сортировке Хватов преуспел за долгие годы работы на папу. Что касалось мыслей, не связанных с работой, то они не пестрели ассоциациями. Нельзя сказать, что мозг Хватова был полностью обделен воображением. Но бесспорным являлось то, что нормальным состоянием мыслительного процесса Хватова в периоды, не занятые делом, был тупик. Цезарь дорожил столь ценным человеком. Скорее, Хватов был роботом, чем дегенератом. Свое дело он

знал.

От Хватова и не требовалось быть компанейским парнем, умеющим поддерживать разговор. С него требовалось малое – сконструировать хотя бы одно предложение точно в ответ на любой вопрос папы. Папе Хватов отвечал всегда, с каким бы напряжением мысли это ни было связано. То, что он произносил в ответ, имело, как правило, подлежащее и сказуемое. Составление второго и тем более последующих предложений давалось Хватову с трудом. Поэтому он предпочитал отвечать односложно. И по этой же причине практически ни с кем, кроме босса, не общался, отчего прослыл молчуном.

Когда шевельнулся рубец на правой щеке Цезаря, Хватов понял, что папа будет говорить, а значит, он будет слушать.

– Убийство по заказу в Москве стоит от пяти до пятидесяти тысяч в зависимости от персонализации мишени. – Он отложил газету. – В Киеве наверняка столько же. Что скажешь? – обратился он к Хватову.

– Только скажи – загоноу в могилу любого бесплатно, хоть в Киеве, хоть в Москве, – отозвался Хватов.

– Ваня, нам суетиться ни к чему. Пусть все произойдет само собой, так, как должно быть. Даже если будет наоборот. Лишь бы не было войны в Крыму. Пусть Бейсик прикончит сучку в ее собственной берлоге. Или она его. С победителем мы договоримся, А то лезут скопом, спасу от них нет.

– Да уж, слетаются, как мухи на говно, – покачал головой Хватов.

– Да пусть слетаются. Бог с ними. Они нам свою копеечку иметь не мешают, надо просто все по-человечески решать, по-христиански. Я, ты знаешь, Арсена не любил, дурно себя вел, не спрашивал у меня добро. Но шлепнул-то его все же не я, а киевляне. Однако, она меня даже в известность не поставила. Выходит, она меня в грош не ставит.

– Может, отрядить Бубу в Киев на гастроли? – насупившись, пробурчал Хватов.

– Ваня – Ваня, ты, я гляжу, лихач, ну, тогда сходи заодно в погребальную контору, закажи катафалк для нас с тобой. Вступить в прения с Родионовой – все равно, что объявить войну Украине. Если хочешь, я закажу тебе место в севастопольском эфире для объявления войны.

Казалось, даже складки на лбу Хватова приняли очертания вопросительного знака.

– Тут, брат, политика. Открой свои глаза. Этот Шарун с первого своего шага дул в одну дудку с представителем президента, ему на все зеленый свет. Лицензия на вывоз цветных металлов – пожалуйста, акционировать центральный универмаг – можно, выкупить, двести га городских угодий с постройками – а как же. Нет, браток, об этот орешек пусть Бейсик свои зубки ломает. Наше дело – нейтралитет. Мы никому не мешаем, всем улыбаемся, живем потихоньку, занимаемся легальным бизнесом. Ну и так, между делом, собираем дань с лоховистых. Это твое направление, Ваня. Сейчас тебе полегче будет. Молодняк мы прищучим. Кого – мы, а кого – и не мы. Кстати, сходку в Ялте ты откроешь, сынок.

– Я? – поперхнулся Хватов.

– Кому как не тебе? Ведь ты теперь, Ваня, хозяин в городе. Тебе и спич толкать, – ухмыльнулся Цезарь. – Привыкай.

– А что говорить-то? – запаниковал Хватов.

– Начнешь с того, что предложишь всем встать. Почтить минутой молчания память трагически погибшего Арсена. Ну а дальше, что посчитаешь нужным. – Цезарь зевнул, что означало окончание разговора.

Сортировочная в ушах Хватова определила последние слова Папы в разряд приказа. До сходки оставалось не так много времени. Ночью перед сходкой Хватов будет сочинять спич. Сочинять не один, он отберет трех человек, самых смысленных из своих громил. Вариантов текста будет предлагаться множество, но нужно будет остановиться лишь на одном. Хватов утвердит текст, состоящий из десяти предложений, и будет долго заучивать его наизусть. Всю ночь он не сможет уснуть, его будет тревожить одна единственная мысль: понравится ли его спич папе?

Цезарь долго думал, прежде чем отвел себе незавидную роль Труфальдино, мечущегося меж двух хозяев. Хозяев? Да нет, конечно, нет. Цезарь был сам себе хозяин. И лишь потому, что его поджали внутренние распри в своем хозяйстве, он прикинулся сговорчивым. Цезарь хотел навести порядок, но он с одинаковым настороженным прищуром смотрел и на москвичей, и на киевлян. Для него и те, и другие были чужаками.

В памяти Цезаря были свежи воспоминания о том, как совсем недавно его пытались сковырнуть, пугая Москвой. Был звонок из Белокаменной, шугнули: рот закрой!.. Благо, разобрался с молокососом, наказал щенка, доказал, что настолько прирос к трону, что тщетны любые попытки его подсадить. Цезарь тогда немало поволновался. Тот звонок навел шухер на душу. Он вычленил из этой истории главный вывод – с Москвой надо дружить. Дружи, но не прислуживай. Так будет спокойнее. Но в разрешающемся конфликте он мог стать заложником обстоятельств. Парни из Киева были такие же серьезные, как и москвичи. А его окоп волею судьбы был вырыт в самом центре предполагаемого поля битвы.

Был способ не превратить окоп в воронку – не высовываться вовсе. Но это равнозначно добровольному отречению от престола. А вступать в конфликт третьей силой влекло за собой одно из двух – либо ссориться с Киевом, либо препираться с Москвой. И то, и другое Цезарь посчитал величайшей глупостью, на которую мог отважиться только дождавшийся роковой минуты член клуба самоубийц. Цезарь хотел пожить. И поэтому пошел другим путем. Меж двух огней он выбрал стратегию ласкового теленка.

Сейчас, когда в воздухе запахло порохом, Цезарь с особой болезненностью осознавал утрату своего былого могущества, непререкаемого и неоспоримого. Сынки, которые работали раньше на него, оперились, сколотили собственные бригады и заботились теперь лишь о том, как бы не переборщить с почитанием своего бывшего папы.

Цезарь поднял их всех. Все они начинали под его крылом. Но Цезарь никогда не был сторонником диктата. И вот к чему привела его лояльность. Он должен был предвидеть людскую неблагодарность. Молодые завели свои дела. Цезарь воспринял это как должное, как понятное человеческое стремление к обретению самостоятельности и не ставил им палки в колеса. До тех пор, пока не стало очевидным, что сосунки стали забываться.

Молодые выпендривались друг перед другом, состязаясь в своей независимости от папы, они верили в себя и уже сомневались в силе папы, их глаза затуманил собственный гонор, азарт помутил их разум.

Нельзя сказать, что не было проку в их нахрапе. Весь средний бизнес просил крыши у молодых. Дельцы считали, что у Цезаря и так дел по горло, да и далеко было до его бунгало. Далеко и страшновато. Об этой вилле на скалистом уступе ходили легенды, на ее фронтоне была выцарапано «Здесь ломают позвоночники». А эти стриженные бандюги, демонстративно свирепые, все же выглядели по-свойски, воспринимали шутки и не гнушались низов, «каная» под друзей, а не под покровителей. Они всегда крутились под боком, поближе к массам. И они представляли собой силу, вполне автономную, так как не боялись критиковать самого дядюшку Цезаря. Кто же откажется от «дружбы» с шайкой мордovorотов?

Цезарь из всего мог извлечь выгоду. Его устраивало, что Арсена рубанули киевские гастролеры. Если бы это не сделали киевляне, он бы сам что-нибудь придумал. Арсен посягнул на его власть в городе. А так все складывалось как нельзя лучше. Все достаточно быстро переигралось.

Будучи мобильным в поступках и их морали, Цезарь повел себя неожиданно даже для своего окружения. Он не стал утихомиривать жаждущих мести громил Арсена, смекнув, что Бейсик, возможно, подумает: именно он, Цезарь, не дает киевлянам жизни в Крыму. В то же время Родионова в Киеве будет наверняка знать, что Цезарь тут ни при чем.

Пусть Родионова доконает группировку Арсена. Единственное, что он может сделать для этих ублюдков, так это выразить им свое «искреннее соболезнование по поводу безвременной кончины его друга и партнера», хотя... Быть может, они сгодятся в качестве «солдат» и для его «гвардии»? Ну, уж нет, у него своих ртов хватает. Но неблагодарная работенка для этих бездельников всегда найдется...

Дядюшка Цезарь теперь не претендовал на роль папы. На правах старшего и наиболее опытного он был папой.

Южный Берег Крыма. Ялта.

«Тарас Шевченко» пришвартовался в морском порту Ялты. Ялтинские участники организованной Цезарем встречи прибыли первыми. Приглашены были только двое самых богатых ялтинских дельцов – Иван Мохов и Савелий Петренко, Мох и Педро, которые держали в своих руках почти все туристические фирмы, в том числе и крупнейшую в Крыму – «Ялта-тур». В последние годы эти двое целиком погрязли в ворохе бумаг, въездных виз, загранпаспортов, таможенных деклараций, сознательно оградив себя от своего прошлого занятия, – торговли живым товаром в крупнейших вилайетах Турции.

Из Керчи приехал Аркадий Матвеев по кличке Матвей. В отличие от элегантно одетых и сверкающих матовым загаром ялтинцев, Матвеев был мужиковат. В лице Матвеева дядюшка Цезарь имел надежного союзника, который полностью разделял показную точку зрения Цезаря о недопустимости влезать в крымские дела людям со стороны. Больше всего Матвеев боялся, что может объявиться кто-то проворнее и похитрее него, кто наложит лапу на контрабандный ввоз бензина из Новороссийска.

Следующим подкатил «Вольво-940» цвета «дипломат» Станислава Вольского, малость согнутого, со впалыми щеками, седыми висками и тонкими черными усиками. Это был весьма образованный человек, в свое время окончивший юрфак Московского госуниверситета.

Заслугой Вольского было финансирование разведки нефтяных месторождений в Крыму. Он заключил контракт с американцами на бурение первых скважин. Крымская нефть по своему составу превосходила каспийскую. Но ее было мало, на всех не хватит. Так что Вольский очень опасался, что на полуострове могут появиться нежелательные конкуренты. Вольский был ярким сторонником независимости Крыма. Наверное, еще и потому, что с такой же опаской он смотрел и в сторону России. Нефтяной промысел в Крыму был его детищем, и отдать свое дитя в чужие руки... Нет. Вольский не сделал бы этого, даже если бы ему пообещали золотые

горы. Он знал цену подобным обещаниям. Цезарь уважал Вольского, и не только за его образованность, но и за его позицию, а еще потому что уважал слово «нефть».

В качестве свадебного генерала Цезарь задействовал адмирала. Правда, в отставке. Вице-адмирал Рыбкин стал состоятельным человеком еще в допутчевый период. Будучи заместителем командующего Черноморским флотом по тылу, Рыбкин изящно прокрутил миллионную сделку с полудюжиной списанных кораблей, отбуксированных в Индию. Ржавые посудины были проданы индийским «друзьям» как металлолом. Но на флотские счета капнула лишь крохотная дождинка обильного ливня, которым была скреплена сделка. Финансовый дождь и в этот и в последующие разы орошал другие счета и способствовал процветанию созданной под благовидным предлогом социальной защиты воинов, уволенных в запас, фирмы «Мор-Инвест». Перед Рыбкиным же уже не стояло проблем, чем заняться на гражданке. Цезарь в зародыше разглядел неиспользованный потенциал высокопоставленных расхитителей флотского имущества.

Если б художник блуждал в поисках образа, олицетворяющего неподдельное счастье, то стоило бы ему взглянуть на сияющее лицо гостя Цезаря из Феодосии, человека в годах, Тараса Ступака, творец, не раздумывая, взметнул бы кисть и запечатлел на полотне портрет счастья с натуры. Ступака переполнял наплыв чувств. Он предвкушал, как отразится на его авторитете в Феодосии тот факт, что именно его, а не кого-то другого, удостоили такой чести – пригласили на столь значимое мероприятие. Подумать только, он здесь вместе с самими братьями Каблуками, его пригласил сам Цезарь! Можно было не сомневаться, что с доброй половиной своих знакомых в Феодосии Ступак после возвращения с этой сходки перестанет здороваться.

Ступака привел на сходку к Цезарю не туго набитый карман, не вес в уголовном мире, его бригада насчитывала лишь девять человек, которым не выдалась возможность проявить себя в серьезном деле. На счету Ступака не значилось ни одной кровавой разборки. Но он был здесь. И привело его сюда... верноподданничество. Он обхаживал Цезаря, когда тот гостил в Феодосии, как угодливый лакей, шустро и с улыбкой, не разгибая спины. Ступаку доставляло искреннее удовольствие встречать и провожать Цезаря. Ступак гордился, что именно он, а не его ненавистный конкурент молодой Кеша Огурцов, с которым Ступак разделил не в свою пользу город, сопровождает папу. Пусть теперь этот шенок где-нибудь обмолвится дурным словом, попробует назвать его прихвостнем.

«Пригласили не его, а меня!» – приятные думы нежно обдували Ступака, когда он ласково трепал за ухо мраморного, вольготно гулявшего по палубе. Это была собака Цезаря. Кто знает, может, именно благодаря этой четвероногой псине Ступаку так подфартило. Как-то раз Цезарь прилетал на вертолете в Феодосию развеяться, прихватив с собой двух догов. Цезарь знал, что Ступак содержит в городе подпольный тотализатор собачьих боев. Папа изъявил желание, чтобы его собаки поучаствовали в спаринге с бультерьерами. Ступаку легче было провалиться сквозь землю, чем допустить, чтобы его свинорылые убийцы, эти бесстрашные гладиаторы, превратили догов Цезаря в мясной фарш. Ступак извелся, наблюдая, как доги ластятся к незнакомцам. С таким характером оказаться в яме с бультерьером означало одно – смерть. И тогда ему в голову пришла спасительная идея: бультерьерам вкололи снотворное, и только после того как лекарство подействовало, собак стравили. Доги Цезаря вышли победителями из поединка. Дядюшка Цезарь все понял, и был доволен. А Ступак был сейчас более чем доволен. Да, он поистине был счастлив.

Отозвались на приглашение Цезаря и братья Каблуки. Каблуки никогда не выезжали втроем. Одного брата всегда оставляли в Симферополе, чтоб в случае чего было кому мстить. Пригласи их Цезарь буквально месяц назад, они бы сослались на неотложные дела. Еще чего! Ему надо – пусть сам приезжает. Но теперь Цезарь снова был в зените своего могущества. К тому же Каблуки теперь утвердились во мнении, что Цезарь примеряет на себя лавры намест-

ника Бейсика. Бред какой-то. Этим пройдохой не удавалось рулить ни Киеву, ни Донецку. Неужто Бейсик его не раскусил? Или надо подсказать?

Каблукам было плевать, что за игру затеял конкурент. Им важно было одно: куда заведет эта игра их и претендует ли кто на их кость. Все это надо было выяснить. Вот они и решили прогуляться по ялтинской набережной и послушать, что надумал бывший егерь.

Каблуков терзало сомнение. Возможно и впрямь ими были недовольны за медлительность. Посаженный ими президент Крыма не оправдывал надежд. Его быстро прокатили импичментом. Отделить Крым от Украины нахрапом не удалось. Зато удалось приобрести врагов в лице «Беспеки», а этот хитрован Цезарь умудрялся дружить со всеми... Вот почему они были здесь. Пришлось. На время они решили затаиться, не зариться на чересчур большие проекты и стеречь свое лакомство. Так было спокойнее. Каблуки, после провала сепаратистской революции и проблем с СБУ, тоже перекрасились в радетелей местных устоев, и теперь могли осуждать вслух Цезаря, говоря, что именно он продался москвичам.

Взаимоотношения симферопольцев и севастопольцев, извечных соперников, были, конечно, натянуты. Они не доверяли друг другу, даже побаивались. Несомненно, боялись и Каблуки. Они, слишком прямолинейные и кичившиеся собственной независимостью, небезосновательно думали, что Цезарь, этот носитель гибкой дипломатии, может по крайней нужде выписать гастролеров. Причем, как из Киева, так и из Москвы. Человек от Бейсика прибыл на сходку не по их приглашению...

Голопупые девахи на высоченных каблуках разнесли на подносах коктейли. Гости уселись за белые ажурные столики, расставленные вокруг бассейна. Цезарь, Хватов, два брата Каблука и прибывший из Москвы человек Бейсика устроились за одним длинным столом. Они смутно представляли собой нечто похожее на президиум. Открыл сходку Хватов. Он сказал:

– Прошу всех почтить память трагически погибшего Арсена минутой молчания. —

Все встали и застыли в скорбной паузе. Но теплый морской ветерок вмиг очистил палубу от скорби, смахнув печать уныния за борт. Подмел ветерок и плоское лицо спикера. Распрявленные на мгновения от наигранного сострадания складки на лбу Хватова вновь сомкнулись гармошкой. Казалось, ветром сдуло носовой платок, сквозь который Хватов произнес первые слова. Потому что последующую свою речь он говорил совершенно другим голосом:

– Прошу садиться. Мне выпала честь открыть это собрание и выступить с речью. Я человек некрасноречивый. Цицеронов у нас хватает. Но скажу одно... Раньше в Крыму был порядок и процветание, а сейчас из-за того, что у некоторых недоумков на башках повыврастали короны, свой нос в наши местные дела суют люди со стороны. Они пользуются разбродом. В любом городе должен быть один папа. Тогда всё будет в порядке. Один. А эти недоумки думают задницами. У них в голове вместо мозгов говно. Ну, тогда пусть запишутся ко мне в очередь. Я им просверлю в башках анус. Будет чем пердеть. Я все сказал. – Хватов опустил в кресло, пыхтя от злости. На самом деле его злоба была всеобъемлющей. Направить ее в конкретную точку умел только дядюшка Цезарь.

Цезарь не случайно поручил именно Хватову открыть сходку. Шутовская речь этого громилы предназначалась больше для человека Бейсика. С местными Цезарь предпочитал общаться с глазу на глаз, а москвич пусть думает, что сходка носит бутафорский характер.

Цезарю понравилось, что Хватов упомянул о людях со стороны. Пусть понимают эти слова как хотят. Однако Цезарь прекрасно знал, что присутствие человека из Москвы на сходке воспримут однозначно. Несомненно, большинство подумает, что, произнося «люди со стороны», Хватов имеет в виду киевлян.

А ведь многие дельцы в Крыму считали москвичей такими же чужаками, как и киевских ребят. Но Цезарь так же хорошо знал, что хулить Москву не рискнет никто.

Цезарь увидел, как оживились гости. Все перевели взгляд на Каблуков. Братья сидели все с тем же безразличным видом. Те, кто посообразительней, сразу смекнули, что Каблуки держат паузу. Простаки же посчитали, что они заодно с Цезарем. «Видно, Цезарь что-то посулил Каблукам, раз эти уголовники изменили своему непреложному правилу держаться особняком и вступили с ним в союз. Такой альянс несокрушим», – примерно такие мысли вторгались в головы неискушенных присутствующих, и кое-кому из гостей стало неудобно сидеть в удобных шезлонгах.

Цезарь встал, дабы разрядить атмосферу.

– Погорячился Ваня, – ласково произнес папа. – Не рассчитал децибелов. Мы здесь не для матов-перематов собрались, а спокойно пообщаться. По делу потолковать. Я благодарен вам, что откликнулись на мою просьбу приехать, оставили свои дела и семьи. Было бы лучше, если б мы съехались таким составом просто: отдохнуть от суеты, подышать свежим воздухом. Но что греха таить, отдыхать мы привыкли каждый своим узким кругом. И только общие вопросы смогли нас заставить собраться за одним столом, обменяться мнениями, выработать общую стратегию. Сообща ведь всегда легче, чем в одиночку. Еще раз спасибо, что приехали.

Цезарь сел. Он сегодня правил бал. Сходка шла по его сценарию.

– Крым – ухоженный, благодатный край, излюбленное место отдыха туристов, – сказал мафиози, представляющий Судак. – Во что его хотят превратить? В арену политической вражды, яблоко раздора между Россией и Украиной. Неужели вместе украинцы и русские не могут договориться полюбовно, сойтись на компромиссе? Могут... Ведь это же один славянский этнос, мы же православные, а не язычники, точно. Я считаю, богатые люди Крыма должны объединиться в союз, если хотите – в партию.

Выступали многие. Высказался и Вольский. Позиция этого человека была наиболее близка Цезарю. Но Цезарь не ожидал, что Вольский наберется смелости говорить то, что думает, в присутствии москвича.

– Ко мне недавно приезжали друзья из Одессы, – сказал он. – Говорят, у вас в Симферополе и Севастополе обменных пунктов, как семечек в тыкве. Понатыкали через каждые два метра. То, что киевляне наводнили Крым банками, – процесс необратимый. Хотя что, у нас своих банкиров мало? Ну да ладно, чего уж там. Места под солнцем всем хватит, но вы поглядите, что происходит. Эти банки здесь не что иное, как гипертрофированные меняльные конторы и ростовщические лавки. Где серьезное инвестирование, где развитие запущенных перспективных отраслей? А налоги? Да что вам рассказывать? Киев буквально душит. Я считаю, оздоровление нашей экономики возможно, но при условии экономической самостоятельности. Крыму нужна государственность. Но дальше этого идти не стоит. Государственность – не этап, не запятая, после которой последует присоединение к России. Государственность – это точка.

– Да, мы люди далекие от политики, – сказал Матвеев. – Мы люди дела. Но это не значит, что нам радостно созерцать то, что творится. В конце концов, все это влияет на наш бизнес. Если на чей-то еще не влияет, то повлияет, будьте уверены. Самое страшное, когда к власти приходят голодранцы. Они рвутся к власти с одной задачей – нажиться за ее счет. Состоятельному человеку незачем наживаться за счет власти. Богатый человек будет править бескорыстно, он не купится на дешевку. Как ни странно, все идет к тому, что именно нищета сейчас в пике популярности. Поэтому я за создание новой партии, которая будет выражать интересы крымских предпринимателей. И возглавить ее должен дядюшка Цезарь, как самый опытный и уважаемый из нас.

Крымский папа взял заключительное слово.

– Ну что ж, партия, так партия, во имя мира и стабильности в Крыму мы должны объединить наши усилия. Зачем нам война – это верно. Ведь любой спор можно разрешить без злобы,

по-христиански. Всегда можно договориться, найти компромисс. Надо друг друга уважать. Мы здесь собрались не для того, чтобы препираться с законом. Мы закон чтим, уважаем власть. Нас всех объединяет желание достичь мира в Крыму, и раз для этой великой цели необходимо создать партию, что ж, и я поддержу эту инициативу. Но хочу предупредить сразу – Цезарь не будет стоять в оппозиции существующей власти, какой бы она ни была...

– Идут, идиоты! – воскликнул Шарун, заметив приближающуюся колонну манифестантов. – Терентьич, неужели нельзя раз и навсегда заткнуть этим крикунам рты? У тебя же для этих целей целый генерал-майор милиции есть.

– А зачем? – с философской риторикой изрек представитель президента Украины Ломов. – Они тебе что – жить мешают? Хай ходють! – ухмыльнулся он.

Демонстранты, обогнув Большую Морскую, на площади адмирала Ушакова закидали попутно тухлыми яйцами здание городского телевидения, обвинив телевизионщиков в том, что те продались израильской разведке «Массад». Они вышли на финишную прямую своего шествия – улицу Ленина. Трехтысячную толпу, охваченную единым порывом, подбивали прокричать хором народные трибуны, возомнившие себя вождями.

– Севастополь – Россия! Крым – Россия! – скандировали демонстранты, размахивая сине-красно-белыми полотнищами и флагами Республиканской партии Крыма.

Вышедших на улицу людей разных возрастов и сословий породнил новый образ врага – многоликий украинский национализм. Разношерстность демонстрантов никого не смущала. В одной колонне шли паренки в камуфляжах из союза ветеранов Афганистана и чернорубашечники из Русского национального единства, активисты Республиканской партии и коммунисты. Те, кто в Москве проводил бы свои сборища на разных площадях, в Севастополе выступали единым блоком. Всех объединяла оппозиция к существующей власти, и никому в толпе, ведомой эйфорией массового психоза, не было дела до того, насколько долговечен и крепок возникший союз. Приверженцы различных движений напропалую твердили друг другу о необходимости символического акта гражданского неповиновения, суть которого сводилась к поднятию российского андреевского флага над украинской госадминистрацией.

Вожди рекомендовали отстаивать российский стяг энергичнее. Они кричали:

– Российский флаг вместо петлюровского!

Главный запевала, словно апеллируя к футбольным фанатам, выкрикивал:

– Чорновил!?

Толпа бесновато гудела:

– Нет!

– Руху!?

– Нет!

– Хмаре!?! – взбудораженный людским многоголосьем глашатай продолжал свой экспромт.

– Нет! – редела толпа.

– Унсо!?

– Нет!

– Киеву!?

– Нет!

– Бандере!?

– Нет!

– Тризубу!?

– Нет!

– Двуглавному орлу!?

– Да!

– Севастополь – Россия! Крым – Россия! Черноморский флот – российский!

Транспоранты клеймили позором волонтеризм Хрущева и его клики. Правозащитники Республиканской партии требовали денонсации указа 1954 года о присоединении Крыма к Украине, ругали крымский парламент, окрестив его марионеткой киевских панов, доказывали правомочность референдума о статусе республики.

Шарун и Ломов наблюдали за демонстрацией, глядя в узкие щели между створками штор-жалюзи в кабинете миллиардера. Гул становился все слышнее, выкрики глашатаев – все разборчивее. Демонстранты приближались к центральному входу четырехэтажного офиса Шаруна, его штаб-квартире, одновременно являющейся зданием Церковного банка. Сверху им было видно все. Зато их не видел никто.

– Никогда бы не подумал, что настанет такой момент, когда я пожалею об этом, – задумчиво произнес Шарун.

– О чем? – спросил Ломов.

– О том, что моя резиденция находится на улице Ленина. Если бы офис находился не в центре, мне бы не пришлось лицезреть эту картину. Но ведь кто-то же за это заплатил?

– Да брось, Антоша, все это несерьезно, – поспешил успокоить Ломов.

– Тот, кто за это платит, наверняка так не считает. И главное – все происходит с молчаливого согласия Цезаря, а ведь мы с Цезарем вроде как договорились.

– Где-то ты прав, – согласился Ломов. – Но схематизм и упрощение – удел роботов, а еще желтоперых юнцов, которые совсем не видели жизни. На тебя сделали ставку большие люди, ты уже не халдей, не шавка, ты – фигура, политическая фигура. А теперь давай посмотрим, как ты мыслишь, как ты быстро угадываешь, где враг, где друг. Как ловко ты расфасовываешь черное и белое. Ты делаешь это бездумно, на автомате. А как насчет полутонов, мой дорогой? И не обижайся на меня. Нельзя все понимать буквально. – Ломову показалось, что Шарун не слушает его. – Эх, молодежь, – снисходительно улыбнулся Ломов.

– Я слушаю, – голос Шаруна звучал как-то отрешенно. В действительности разговор занимал его, но то, что происходило на улице, было куда интереснее. У демонстрантов появилось корявое чучело в белой сорочке.

– Долой Кравчука! – кричали хором протестующие. До офиса Шаруна им было рукой подать.

– Что-то у них Кравчук получился уж больно щуплый, – оценил Шарун. – Терентьич, а ведь это чучело – глумление над государственной символикой. Разве президент не символ государственной власти? Как ты можешь терпеть это безобразия?

– Мне нужны голоса этих баранов. Кстати, это чучело – ты, а не Кравчук, присмотришься. Они тебя несут.

Шаруну стало не по себе, когда его глаза разглядели надпись на дощечке, которая болталась на чучеле, а уши проглотили мощный взрыв тысяч голосов. Люди шли под его окнами и кричали по слогам: «Шарун – вор!» Черная краска на дощечке скандировала вместе с демонстрантами той же фразой: «Шарун – вор».

– Кажется, они решили сжечь меня, – как полоумный прошептал Шарун, увидев, как один из демонстрантов принялся под всеобщее улюлюканье поджигать чучело. Сорочка вспыхнула мгновенно, торчащая на древке восковая голова с соломенным париком за секунду сгорела дотла.

– Шарун – вор! – орали демонстранты, остановив свое шествие прямо напротив центрального входа в офис. Шарун сопротивлялся подступившему желанию метнуть в толпу гранату. Ломов дружески постукивал его по плечу. Точно так стучат по спине тому, кто подавился. Повод подавиться был. Костью в горле застряла людская злоба.

Вдруг звон разбитого стекла саданул по ушам. Хотел метнуть он, а бросили в него! Правда, пока лишь камнем в окно его кабинета. Увесистый осколок чуть не угодил в лицо. Шарун заметался по кабинету, выкрикивая как умалишенный:

– Арестуйте этих скотов!

Ломов уже отдавал приказ начальнику милиции:

– Арестуйте зачинщиков беспорядков и передайте дело в прокуратуру!

– И теперь ты станешь утверждать, что они все это делают, как энтузиасты? – прошипел

Шарун.

– Да нет, похоже, нескольким из них все же заплатили.

– Но кто!?!..

– Уж они-то этого не скажут точно. Я уверен, что тот, кто нанимал этого метателя, ему не представился. Можно только догадываться. Кто тебя так не любит? Пожалуй, многие. Но тут ничего личного. Политика...

Когда Борис входил в кабинет к Елене, он заметил, как суетился перед дверьми начальник охраны Петьлицын, пытаясь придать своему лицу печать смятения. Петьлицын неловко улыбался и покашливал. Борис по привычке не видел его в упор, несуразность в движениях командира «молотобойцев» не бросалась в глаза, иначе он не вошел бы так сразу, как обычно входил.

Ее не было в кабинете. «Наверное, в спальне», – Борис негромко кашлянул. Безрезультатно. В голове бессознательно вырисовалась странность в поведении Петьлицы-на. Ему все стало понятным, когда из спальни донесся испуганный мужской шепот. В сердце защемило. Борис знал, что Елена время от времени развлекается со смазливими жиголо. Он много раз видел, как к особняку подвозили нарядных красавчиков-юношей. Для него все эти женоподобные денди были на одно лицо. Она играет с ними, как с куклами. Обретя власть и деньги, она стала большой развратницей.

«Как я с самого начала я не разглядел в ней стерву. Сука!» – Борис старался подавить в себе ярость. Единственный способ заглушить эмоции – раздумье.

Ведь он мужчина, он себя уважает и не допустит глупых приступов ревности, тем более, что теперь они будут выглядеть еще бестолковее в ее глазах, чем раньше. «Она не заслуживает моей любви, но почему мне так больно? Возьми себя в руки. Смахни гнев с лица. Опомнись, у тебя, по сути, нет никаких прав на нее. Абсолютно никаких. Ты даже не был с ней в близости, ты только мечтал об этом всю жизнь. И не смог добиться. Хотя бы силой. Нет, парень, не хитри сам с собой. Ты бы не смог, потому что слюняй, потому что любишь по-настоящему и навсегда. Безответная любовь. Признайся сам себе – ведь безответная же! А безответная любовь сродни болезни. Страдаю только я, люблю только я. Она, правда, тоже любит, но лишь себя и свои проекты. Она даже боится привязываться к кому-нибудь из своих сладких мальчиков, не хочет привыкать и поэтому меняет их, как перчатки. Волчица – и благодаря этому многого добилась, а эти молокососы просто не в меру самолюбивые болваны», – так размышлял Борис, невольно прислушиваясь к потрескиванию дров в камине.

У каждого из этих юношей, выхоленных и зализанных гелем, здесь были свои интересы. В покои Матушки они попадали по-разному. Родионова занималась с ними любовью как бы между делом, но нельзя сказать, что она сквозь пальцы смотрела на эти связи. В таких случаях говорят: решила оторваться на старости лет, наверстать упущенное.

Она сделала себе поблажку и почти не осуждала себя за этот грех, почти... Ей не нравились секс-машины с недельной щетиной, большие и волосатые. Организм требовал нежных, ласковых мальчиков с правильными чертами лица, умными глазами, гладко выбритых, с кра-

сивой фигурой и ровными плечами. Такие мальчики тянулись к ней – еще бы, ведь Матушка считалась в городе чуть ли не самой крутой. Это было главной наживкой для любопытных юношей, готовых трахнуть даже трехсотлетнюю черепаху Тортиллу ради сомнительной возможности одним махом сменить дно на седьмое небо.

Вряд ли жизнь этих симпатичных мальчиков до знакомства с влиятельной леди можно было считать дном, но в силу сопоставления с роскошью и расточительством Матушки и ее бесшабашного окружения, вследствие юношеского максимализма, среднего не было дано. То было дно, а это – круто. Точно так же вряд ли уместным было сравнение блистательной Родионовой с Тортиллой. Вербовщики, по-просту сутенеры, эдакие держатели своеобразного гарема, особо не утруждали себя, оказывая ей услуги. «Мадам» была супер.

Кое-кому из жиголо дозволялось присутствовать в свите Родионовой на приеме в новом доме мод, на вечернем рауте в каком-нибудь загородном особняке или откусать яств со шведского стола на закрытой премьеры в национальной опере имени Шевченко. Они тщательно пережевывали деликатесы на расстоянии вытянутой руки от спикера парламента, а иногда удавалось перекинуться словом с Виталием Кличко или поболтать ни о чем с Софией Ротару. Если случалось такое, то в упрямые головы этих эгоистов клином всаживалась тревога о том, как бы удержаться, не сглупить.

Молодость! Как она безрассудна, не всегда бескорыстна, но всегда быстротечна...

Самым ненавистным из всех любовников Родионовой для Бориса был один высоченный брюнет по имени Юра, со смуглой гладкой кожей, чуть раскосыми глазами и прямым носом. Борис считал его самым хитрым и потому готов был убить его первым... Хитрость и коварство этого юноши, по мнению Бориса, заключались вот в чем. Он отказывался принимать от Родионовой деньги, проникновенно говоря ей о том, что с любимой женщины ни денег, ни подарков брать не будет, что для него высшее наслаждение быть рядом с его обожаемой королевой, что большего для него не надо. Словом, лепил из себя любовника-мученика, всем сердцем любящего и рассчитывающего на взаимность, не забывая при случае пустить слезу. И так искусно вошел в роль, что заставил поверить многих. Что касается Родионовой, то ей, по крайней мере, была интересна эта игра. Юноша врал очень технично.

Борису это действо было отвратительно. Ну, а парню все это не мешало получать от своей королевы денег и подарков больше всех. Единственное, чего не учел юноша, так это того, что у его королевы при таком богатстве выбора альтернатива таки была. Плюс жажда новизны, ведь ничто не вечно под Луной... Мальчишка стал ей надоедать. Сегодня Родионова решила устроить с ним прощальный вечер и одарить его последним презентом на память. В очередные же фавориты попал легкомысленный жиголо, выполняющий свои постельные обязанности холодно, без лишних вздохов. Новый мальчик довольно сносно имитировал независимый нрав и более или менее ровно строил из себя Бельмондо, который нарасхват. Подобная самоуверенность, почти правдоподобная, не сходящая с лица маска безразличия, плавно переходящая в кислую мину, – это была новая постановка взаимоотношений со своей благодетельницей. Это было новое веяние, новая волна, именно то, чего требовал текущий момент.

Паренек угадал и выбрал нужный стиль поведения. Делал вид, что не дорожит хозяйкой. Хотя делал это очень осторожно, не перегибая палку. На самом деле ему было очень трудно, а то, что Родионова и с этим пареньком играла белыми, являлось очевидным фактом. Новые правила были интереснее для нее потому, что подкупали своей новизной. Ею, видите ли, не дорожат! Однако исход был предопределен. Либо ей надоело бы это быстро, либо, – в том случае, если б она почувствовала, что привыкает к человеку, – пинок под зад чуть позднее.

Парню бы повезло, если бы пинок был образным, а не буквальным, наотмашь. Не хватало еще сердечных дел... К сердцу Родионовой путь преграждал изощренный разум. Она давно убеждала себя в том, что умеет не давать волю чувствам. Она считала себя одиночкой. Такой же одиночкой волчицей ее представляли себе другие.

Но сердце неподотчетно мозгу, пульс Родионовой бился учащеннее, когда она думала о своем материнском долге. Она понимала, что разврат, которому она предается с мальчиками, по возрасту такими же, как ее сын – большой грех. Но что-то черное внутри отбрасывало покаяние каждый раз, и с каждым разом все легче и бесперомоннее. И она снова не осуждала себя за предание искушению. Почти.

Зато за двоих осуждал Елену Борис. Каменным истуканом стоял он в пустом кабинете, застряв на мысли, зачем же он сюда пришел. И если бы не видеокассета, которую он держал в руке, то не скоро бы вспомнил. «Соберись, возьми себя в руки...» – злость встряхнула его. Эта сука думает, что на ней свет клином сошелся. И больше всех в этом виноват, конечно, он. Повернуть бы время вспять, возвратить все назад...

С каждым годом она становилась все дальше и дальше от него. Теперь она чужая. Это она втянула его в грязь, она сделала его таким. «Зачем ты держишь меня у себя под боком? Я теперь для тебя не мужчина, я – советник... Будь ты проклята, тварь. Я тебя ненавижу. Господи, накажи ее, накажи эту машину или верни ей человечность. Или ты мстишь мне, наказываешь меня за мои грехи? – Борис закрыл глаза. – Как же мне больно».

Он вдруг захотел выскочить отсюда, но остался: «Какого черта не вышел сразу? Столько простоял здесь, идиот! Сейчас она выйдет... Главное, чтобы речь была связной, дело ведь действительно серьезное, а ты думаешь... О чем ты думаешь? Что, мало у тебя было женщин?» – самоуспокоение такого рода обычно действовало, когда он думал о Елене наедине с собой, но в этот момент...

Дверь спальни откатилась по рельсикам в сторону. Вышла Елена. Она была в длинном шелковом халате небесного цвета, туго завязанном поясом. Волосы были распущены. Губы чуть вспухли и порозовели. Прищуренные глаза привыкали к свету. Там, в спальне, на кровати нежилась очередной сосунок. «А может, убить его при ней, чтоб знала, а ее трахнуть, наконец? Избить, как суку, и трахнуть!»

Борис не сделал бы этого, но сама мысль, что в принципе сделать это он может, его порадовала и немного успокоила. Он готов был говорить, ему надо было что-то говорить, о чем-то спорить. Она не должна видеть его замешательства. Хватит, прошли те времена. Благо, было о чем говорить. «С тоном как-нибудь сориентируюсь...»

– Вечер добрый, Елена Александровна. Я не вовремя? Ты уж прости, дела привели. У нас возникли проблемы в Крыму. События там разворачиваются не по нашему сценарию.

– Не тяни резину, говори толком, по существу, – обрезала Родионова и опустила, тяжело вздохнув, на кресло у камина. Она резко швырнула в топку полено, ей не терпелось узнать, какие вести из Крыма принес Борис.

Крымские дела с недавних пор приобрели для Родионовой особый статус. Она считала затеянную игру на полуострове проектом своей жизни. Это была крупная авантюра, имеющая все предпосылки к успеху, и не ввязаться в нее означало для Матушки жалеть после об этом и клясть себя за упущенный шанс сделать нечто великое. Она неестественно медленно моргала, напряженная и готовая слушать. Борису же показалось, что в мыслях Лена все еще в спальне. Он так и не научился понимать ее по выражению лица.

Борис начал с фактов:

– В общем, дела такие. Только что получен факс из севастопольского филиала банка «Эльвира» и Церковного банка. Крупные кредиторы не возвращают деньги. Один потерялся, другой пошел в отказ, говорит: «Не брал заем», и что будет разговаривать только через суд. В обоих случаях залог оказался фиктивным. Получено сообщение от наших друзей из окружения главы СБУ генерала Марчука... Цезарь, на которого мы смотрели вполглаза, собирал сходку на теплоходе «Тарас Шевченко». А начальник МВД Крыма, видно, кормится из двух лап. Буквально час назад я разговаривал с ним по телефону и вынес из этого разговора одно: на

ментов нам лучше не рассчитывать. Лена, я, честно говоря, считаю ошибкой, что мы сунулись в Крым в тот момент, когда и так дел невпроворот. Никогда не было столько политики.

– По этому поводу мы уже общались, и тогда, кажется, я сумела тебя убедить, – перебила его Родионова. – Но я смотрю, как только запахнет жареным, тебя сразу тянет в кусты, Боря. Политика – это наш козырь. Мы, а не наши враги, проводники политики государства на полуострове. Мы в глазах президента Украины – сила, способная умерить пыл сепаратистов.

Услышав такое, Борис изумился. «Зарвалась», – подумал он.

Родионова продолжала:

– И этим надо пользоваться. Усвой же наконец простую истину. Нужно ловить момент. Все институты власти в Крыму наши: служба безопасности, суды, правоохранительные органы, таможня, налоговая инспекция, телевидение, парламент... Вся светская власть. Единственная проблема – население. Но и оно неоднородно. И нам стоит обнажить и подчеркнуть эти различия. Лучше, чем через религию это не сделать! За счет нас президент убивает двух зайцев. Мы насаждаем в Крыму украинскую автокефалию. И главное, собственно, ради чего мы полезли туда, – мы налаживаем кредитно-финансовую систему, полностью подотчетную Киеву, открываем филиалы киевских банков. Мы провозглашаем, что успех любого бизнеса в Крыму зависит от лояльности к законам Украины. Это должна сделать я, потому что если это не сделаю я, за это возьмутся другие. Курорты – главный приз.

Борис посинел от злости. Уже в который раз Елена таким образом ставила его на место. Она всегда разговаривала тихо, и чем тише был ее голос, тем жестче был смысл фраз. Когда она хотела выбить человека, с которым общается, из колеи, она говорила очень тихо. Сейчас был именно тот случай. Однако Родионова, увидев, что добилась своего, сменила интонацию:

– Твое недоумение и настороженность не понятны. Когда мы начинали в Киеве – мы не афишировали себя. Теперь мы меняем тактику, на что ты реагируешь болезненно. До сих пор ты сомневаешься, Боря, а я не хочу, чтобы ты утонул в собственных сомнениях. Они только мешают делу. Обратной дороги нет. Мы не подпольщики. Полная легальность, четко очерченные цели. Ничего страшного не произошло. Естественно, наступили кое-кому на мозоль, а надо было давить сразу. Роланда пока придержим. Я ему сама позвоню. А то он сторяча докажет миру, что конец света возможен в отдельно взятом городе. Поручим дело Петьлицыну, пусть берет своих «гоблинов», дадим ему еще пару проверенных ребят из ЦСБ, и договорись с этим Бульбой из УНСО, пусть даст несколько своих фанатиков. Он не знает, как отблагодарить меня за те контейнеры с оружием...

Борис вспомнил про тот случай. По распоряжению Матушки он отрядил тогда адвоката клана Лисовского, который лично выезжал на границу «подмазывать» таможню. Бульба не мог по-нормальному сунуть взятку, таможенники подумали, что их прощупывает Безпека – и ни в какую. Лисовский разговаривал от имени Бориса, и у него взяли деньги. А теперь Матушка посчитала, что черед националистов оказать услугу, отплатить «добром за добро». Тем паче, что Бульба хвастался своими снайперами, которые вернулись из Грузии и выполнили, по его словам, личный заказ Шеварднадзе – ликвидировали какого-то типа, на котором облажались даже наемные киллеры.

– Дадим этих стрелков на усиление Петьлицыну, – расставила точки над «i» Родионова, – и наделим его всеми полномочиями. Пусть вышибет всех врагов наших из Крыма, пусть разберется там с Цезарем, его двурушническая позиция меня настораживают. Вообще, снаряжай бригаду и отправляй завтра утром. Экипируй людей под спортивную команду, чтобы все в одинаковом были. Устроим в Крыму «спартакиаду». Да, позвони, чтобы встретили и позаботились о размещении, чтобы все было без засветки. Держи меня в курсе.

– Стало быть, война... – Боря все еще был не в своей тарелке, но перемолов услышанное, он представил себе такое, от чего не мог прийти в восторг. Задав вопрос, Борис сразу пожалел об этом. Во взгляде Елены он прочитал негодование. Она вновь заговорила очень тихо:

– К чему договариваться по несколько раз об одном и том же, выкраивать у кого-то уступки, если можно забрать все разом. В свое время я шла на переговоры, когда чувствовала, что меня прижали, что я пока не собралась с силами, чтобы драться. Сейчас другая песня. Я вхожу на самый верх, ты прекрасно знаешь. И что бы мои люди ни делали в Крыму, для этой высокой аудитории я всегда сумею преподнести сделанное в выгодном свете. Вспомни, когда мы наводили справки о крупнейших дельцах Крыма через Безпеку, проходила информация, что некоторые из них через подставные фирмы финансируют пророссийское движение в Крыму. Так что есть повод шлепнуть кое-кого как неугодных державе врагов. Пусть считают меня бандеровкой, сейчас это модно. С УНСО дружбу вожу, чем не бандеровка!

Борису показалось, что Елена развеселилась, ее тон стал слегка задорным. Так виделось со стороны. На самом же деле, когда Родионова хотела окрепнуть в собственной правоте, то размышляла вслух, растолковывая трудные ребусы не столько для других, сколько для самой себя.

– Теплое море – мечта всей моей жизни, я буду там хозяйкой. Построим терминалы, международный аэропорт, новые фешенебельные отели на Южном побережье. А до этого заполучим уже действующие курорты. Опыта нам не занимать. Да, я согласна с тобой: много политики. Я сама старалась избегать ее, но оказалось, и политическую карту можно кропить. Киев пока выигрывает у Москвы спор по Крыму. И мы выиграем его до конца. Они уже опоздали, когда согласились в Белой Веже закрепить за нами этот благодатный край. Требовать назад подарки – непорядочно. Поздно спохватились. Я нужна официальной власти, ведь у меня теньевые бразды правления, ведь со мной можно болтать неофициально, можно попросить, чтобы я устроила серию шумных убийств, пару эффектных взрывов, нагнала страху на зевак.

– Они тебя сдадут, как только в тебе отпадет надобность... – не согласился Борис.

– Что ж, безвыходных положений не бывает, сделаем разворот на сто восемьдесят, – стояла на своем Родионова, – изобразим верноподданнический экстаз. Какая нам разница, проукраинский председатель Верховного Совета или пророссийский президент. Ха-ха! Сменим Родину. Правда, российский ставленник наверняка не будет ручным. А в Киеве у нас все схвачено. Для нас сейчас главное – выиграть время и укрепиться на полуострове, пока путь туда из России наглухо закрыт, – все это она выпалила на одном вдохе, не видя перед глазами ничего и никого. Борис почувствовал в ее голосе какую-то нездоровую одержимость. Родионова, расслабившись, заговорила снова, уже обращаясь к Борису:

– Ну что, все еще сомневаешься? Не нравишься ты мне в последнее время. Неужто стареешь? Рановато. Или устал? Нет, Боренька, ты уж извини, без тебя как без рук. А может, личные проблемы?..

Она спросила это между прочим и наверняка продолжила бы так: «Подыщем тебе красивую девушку», – или: «Пора тебе, наконец, обзавестись женой». Борис взорвался. Он хотел кричать, но сердце продиктовало устам ответный вопрос:

– Не слишком ли много времени ты мне уделяешь? Ведь тебя там ждут, – напряженным голосом произнес Борис, кивнув на дверь в спальню.

Родионова изумилась, заметив, как наполнились влагой глаза Бориса. «Это уже чересчур, второй случай на день, – подумала она. – Столько времени прошло, а он еще не переболел мною. Нет, с этим пылким влюбленным надо что-то придумать. Потом. По два раза на день решать амурные вопросы я не в состоянии. Этот Юрочка в спальне тоже плачет, как девочка. Надо быть жестче, надо отправлять восвояси сразу, не устраивать прощальных вечеринок. Сейчас выпровожу этого кукловидного любовника. В конце концов, за удовольствие заплачено. А как быть с Борей? Да никак. Поставить его на место – и баста».

– Я сама разберусь, где и кто меня ждет, – ледяной взгляд Родионовой обдал Бориса холодным ветром. Это говорила Матушка. – Ты находишь, что я уделила тебе много времени? Тогда впредь твоя персона не будет удостаиваться такой чести. Ты утомился. Вместо того,

чтобы давать дельные советы и помогать, ты лишь споришь и сомневаешься. Иди и выполняй распоряжение. Слава Богу, в тебе еще не умер исполнитель. Да предупреди Петылицына, чтобы не было утечки информации. Все, я вызову тебя, когда созрею для общения с тобой. Не смею задерживать. – Не простившись, Родионова повернулась к камину лицом, взяла со стеклянного столика колокольчик и позвонила. Явился лакей, она приказала вызвать тапера.

Борис уже выходил из кабинета, как вдруг заметил боковым зрением, что из спальни высунулся альфонс. Ему стало еще сквернее, когда он пригляделся к показавшейся фигуре. Это был ненавистный ему Юра, почему-то одетый и какой-то то ли мокрый, то ли заплаканный. Борис вышел, хлопнув дверью.

В голове был шум, как в черноморском рапане. Он проклинал себя за слабовольность, за то, что не может вычеркнуть Лену из своей жизни. Он шел делать то, что велела хозяйка, и вспоминал, как очень давно он пытался ее удержать, говоря ей, что сделает ее королевой. Тогда он был никем, он был простым приходским садовником... А кто он теперь – тоже никто, исполнитель чужой воли. Нет, он исполнитель ее воли. Откуда у нее эта патологическая одержимость, всего ей мало! Может, сказывается обделенность молодости, а может, надломленность в психике – следствие того самого злополучного шантажа, в результате которого она оказалась в Киеве...

«Она хочет доказать сама себе, что без постороннего вмешательства представляет из себя женщину, равной которой нет. Она себя или чрезмерно любит, или безгранично ненавидит? Скорее ненавидит. Елена несчастна, и я должен быть рядом. Я буду делить свою любовь к ней на нас двоих. Получится ли исправить искаженное, вернуть чистое? Время покажет. Я уже столько жду, что готов ждать всю жизнь. А есть ли оно, это время? Она так спешит, что можно и не успеть...»

Следом за Борисом Родионова выпроводила надоевшего жиголо, ей осточертело слушать мурлыканье распустившего нюни юноши. Хотелось побыть одной. «Слишком много почестей для высокооплачиваемой проститутки», – подумала она и сухо сказала:

– Юрий, в твоих услугах я больше не нуждаюсь. Счастливо.

Юноша ушел. В дверях он столкнулся с прибывшим по вызову тапером по прозвищу Бетховен.

При виде тапера Родионовой стало легче, шестидесятилетний Бетховен с пушистыми седыми бакенбардами сел за рояль. Родионова забывалась, когда он играл. Сейчас ей хотелось именно этого – убежать от действительности, от прошлого, даже от будущего.

Бетховеном пианиста прозвали, потому что он подобно угрюмому автору мировых музыкальных шедевров был глух. Во всяком случае, если бы кто-то задался целью поговорить с Бетховеном, тому пришлось бы очень сильно постараться, чтобы достичь цели, не надорвав глотки. Скорей всего, именно это послужило одной из причин того, что Бетховен вышел победителем в конкурсе на личного тапера Матушки. Престарелый Бетховен так свыкся со своим новым прозвищем, так гордился своей работой, что прямо-таки расцвел и помолодел.

Он пришел на устроенный в Национальной опере конкурс наобум, никак не считая, что его недостаток посчитают продолжением его достоинств. Virtuозом он не был, но репертуар, которым он владел, пришелся Родионовой по душе. Он играл классику – сонаты и увертюры Моцарта, Баха, Бетховена, однако Родионова чаще всего заказывала вальсы и оперетты Штрауса, особенно его «Сказки Венского леса». Тапер заметил, что никакая другая музыка не имеет на его хозяйку такого воздействия, как этот чарующий вальс.

Она напрягалась, ее глаза широко раскрывались, но, похоже, ничего не видели или видели нечто воображаемое, мистическое. Она думала о чем-то своем, замуравывая свой дух в собственном теле или, напротив, паря над ним и созерцая мир с отрешенных высот свободного духа. Казалось, в минуты, когда мелодия Штрауса наполняла зал, мир переставал для нее существовать, и тревога уносилась прочь.

Бетховену были знакомы и импровизации в джазе. Он пытался поиграть что-нибудь модное, но хозяйка всякий раз предпочитала свой любимый мотив. Бетховен привык к этой странности своей благодетельницы и совсем теперь не думал о разнообразии и гармонии жанров.

Считавший себя обузой в семье, старик жил со своим сыном, невесткой и двумя внучками. Пенсионер воспрял духом, когда ему вручили первую получку. Деньги немалые. Теперь дома он важничал и даже иногда разрешал себе поворчать. Он сиял от счастья, когда внучки спорили, кому гладить дедушкин фрак, и когда невестка, которую он немного побаивался, брала эти хлопоты на себя. На первых порах любопытство разъедало сына и невестку, ведь папа теперь был не просто дедом – он работал у самой Матушки, про которую в городе ходили невероятные слухи. Но вытянуть из папы не могли ничего, кроме безобидной информации: называют его там Бетховеном. Из всех, кто бывал в личных апартаментах Родионовой, старик Бетховен знал о ней меньше всех. Поэтому и спал крепче всех.

Бетховен перебирал клавишами, играя «Сказки Венского леса»... Родионова предавалась воспоминаниям об усеянной кирхами Вене, благосклонно приютившей православный приход святителя Николая. А вот храм Лазаря на русском участке Центрального кладбища, могила Бетховена рядом. Вот она любит золотой статуей Штрауса в Венском парке, проезжает на карете мимо фонтанов Иосифа и Леопольда. Кучер гонит белогривых лошадей по улице Грабен. Карета огибает «чумною колонну», и несется по брусчатке Ринга к дворцу Ховбург. Подле нее молодой и веселый Боря. Вечером они будут гулять у подножия Альп, прислушиваться к шуму величавого Дуная. Широкий Дунай не скрывает мощи, но еще голосистее ревет толпа на площади Карлсплац. С витрин магазинов на Марияхильферштрассе уныло смотрят холодные монекены в платьях, которые не по карману...

На мгновение она опомнилась. Правильно ли она живет? Ведает ли она, чего хочет, к чему стремится? Не погрязла ли в нарисованном собой же мире иллюзий?

«Что я делаю? – страх обыкновенной женщины съезил все внутри, но ненадолго. Ведь она не искала ни в ком защиты и привыкла полагаться на саму себя. Ей никто не был нужен. А единственного всецело преданного человека она не видела в упор. – Я достаточно сильна, чтобы справиться не только с минутной слабостью, а со всем, что на меня навалилось. – Глядя на огонь в камине, она вдруг увидела расколовшийся колокол в церковной звоннице и горящий крест... – Я запуталась. Эти люди рядом, только пока я сильна. Я одна. Как только я облажаюсь, все оставят меня».

Она закурила сигарету, затаилась и закрыла глаза. А Бетховен играл. Звуки гипнотического вальса снова вытеснили все остальные мысли. «Сказки Венского леса» убаюкали Матушку, обезопасив ее от реальности, но не в силах отвести ее от предстоящих бед.

Рано утром на привокзальной площади остановился микроавтобус «тойота». Из микроавтобуса высыпали один за другим одиннадцать человек в одинаковых бело-зеленых спортивных костюмах с лейблом «Пума». В руках они несли увесистые сумки такой же расцветки. Из нескольких сумок показательно торчали теннисные ракетки.

На площади было немногочисленно. Таксисты-колымщики ждали своего клиента, скучковавшись у центрального входа на вокзал, и трепались обо всем подряд.

– О, смотри, спортсмены какие-то! – подбросил новую тему кто-то из них, указав в сторону микроавтобуса. – Теннисисты, что ли?

– Пока «спортсмены» находились в поле зрения, был повод «обсосать» спортивную тему. Все же лучше, чем без толку зазывать любителей прокатиться с ветерком. Любители такого рода, может быть, и были, но ветерок по известной причине задувал приезжих в сторону входа

в киевское метро, великодушно позволяя таксистам общаться. Таксисты вовсе не были благодарны за это великодушие, но от общения не отказывались, делать-то было нечего.

– Да вони не теннисисты, – возразил другой на украинском «суржике». – Теннисисты все шупленьки таки. Ты Уимбдон бачив? Колы то теннисисты, то у их заместо теннисные мячей ядра. Бач, яки гориллы!

– Да что вы спорите, это боксеры. Вон, видишь, нос у него разбит. Уж поверьте, я эту кухню знаю, сам столько лет спорту отдал, – заключил третий. Все посмотрели на знатока оценивающим взглядом и решили про себя – не врет.

Между тем группа в спортивных костюмах проследовала на перрон. Объявили посадку на поезд Киев – Симферополь. Проводница девятого вагона, молоденькая прыщавая девчушка, увидев, как спортсмены замедляют шаг перед ее вагоном, поняла, что предстоит веселая поездка.

– Мы к тебе, мамочка, – игриво произнес старший на вид и протянул девушке стопку билетов.

– А вы тренер будете? – с наигранным безразличием спросила Петылицына проводница. – По какому виду спорта?

– По охоте на чижиков, – ухмыльнулся Петылицын, и коротко стриженные парни разразились смехом. Ощувив взгляды молодых ребят на себе, девушка застеснялась своих прыщиков и опустила глаза.

– Да ты не обижайся, – ласково сказал старший. – Парусники мы, на сборы едем. Эй! Гвардейцы! Залезайте в паровоз... – скомандовал он своим.

– Давайте быстро, через семь минут отправление, – бойко поторопила проводница, как бы заявляя, что первое впечатление о ней, как о робкой девочке, было ошибочным.

Вся команда влезла в вагон. Петылицын подошел попрощаться с Сумцовым.

Борис вместо напутствия сказал:

– Предупреди всех, чтоб следили за базаром, мало ли. Экстренная связь, как условились, через мента, разберешься на месте. И постарайся сделать все до выходных и без лишнего шума. Подрывника запускай только на крайняк. И не распыляйся. Разберись сначала. Помни, главное – найти, кто реально воду мутит. Тогда и определишься с мишенью. Думаю, это будет московский варяг. Вали его тихо и быстро, до того, как он заляжет на дно. Еще раз прошу – не мочи всех подряд. Наведайся к Цезарю, послушай, что он скажет. Я ему не верю, но на месте тебе будет виднее. Ну, давай, ни пуха! – Борис подал ему руку.

– К черту! – ответил Петылицын и, распихав «зайцев» и «посылочников», сгрудившихся вокруг проводницы, запрыгнул на подножку...

– Спасибо, милая, ты такая красивая, – благодарил проводницу какой-то сутулый мужичок, передавая ей в руки небольшую бандероль. В Симферополе женщина подойдет, Пономарева – фамилия. Там на посылочке написано...

Девчушка поднялась в тамбур, довольная первой выручкой. Борис взглянул на мужичка со спины, на миг о чем-то задумался, но поезд тронулся, оборвав ниточку мелькнувшей мысли.

«Дай Бог, чтобы все было в порядке», – сказал он про себя, по-доброму пригрозив кулаком Петылицыну, который высунул свою круглую физиономию в окно. Затем, вдруг что-то вспомнив, он огляделся: мужичок исчез. Борис спустился в подземный переход. «Посылка... Да нет, не должно, засветки не было», – успокоил он себя. Запрыгнув на заднее сиденье служебного джипа, он вздохнул с облегчением. Дело сделано, сделал дело – гуляй смело. В ресторан «Метро!» – Он твердо решил напиться в стельку и поспать, чтобы не думать о Лене. Утро для хмельного забытья не самое подходящее время, но вчера весь день, да и ночь прошли в неотложных делах. Выбирать не приходится...

В отличие от Бориса и желание, и возможность залить свое горе прошлой ночью были у теперь уже бывшего альфонса Родионовой, Юрочки. Ночью он подался в валютный дансинг отеля «Лыбидь» в надежде рассеять свои переживания в тумане дискотечного дыма и растворить неприятности в хрустальном бокале муската.

То, что случилось, сломало его. Его отшвырнули, как износившуюся подстилку, пренебрегли его красотой. Значит, он не умеет пользоваться тем, что даровала ему сама природа, не может себя подать, раз Родионова с ним так легко рассталась. Не может быть! Наверное, все из-за этих проблем, о которых она разговаривала с советником... Дверь была открыта, он слышал весь их спор. Это он зашел некстати, рассердил ее!

«Ей просто было не до меня... Все утрясется и за мной снова приедет машина, – тешил себя надеждой Юрочка. – Но она была холодна со мной и до его прихода... – В памяти рисовались детали их последних встреч. В последнее время он не ощущал ее жадных губ, она не целовала его. Да, это конец... И эта толстая золотая цепочка – ее прощальный подарок. Я ей надоел. Она сказала: «В твоих услугах я больше не нуждаюсь». Боже мой, она так сказала!» – Он залпом опустошил бокал. Шампанское разлилось по всему телу. Юра закрыл глаза и сосредоточился на ощущении. Он почувствовал некоторую легкость. Душевный соул Стиви Уандера был к месту.

– Что-то, Юрочка, Вы на себя не похожи, – раздавшийся голос помешал ему уединиться со своей печалью. Раньше Юрий предпочел бы в такой момент, чтобы к нему за столик под села симпатичная девушка, что означало само по себе психологическую разгрузку. Но теперь он даже обрадовался, что это был его новый знакомый, Николай Владимирович. Этот человек с самого начала произвел на Юрочку большое впечатление, разговаривать с ним было одно удовольствие. Юрий вообще любил общаться с «крутыми», а Николай Владимирович, без сомнения, подпадал под эту категорию.

Полторы недели назад к Юрию в дискотеке подошел небольшого роста сутулый человек с несоразмерно длинными руками и, представившись торговым представителем автомобильного концерна «Ситроен», сказал, что для парня с такой внешностью найдется работа в самом Париже.

Юрий, знакомый с методами, которые используют в своей работе сутенеры, подумал было, что этот человек подыскивает мальчика для какой-нибудь «чумы» с толстым кошельком, но вскоре убедился, что у его нового знакомого у самого кошелек отнюдь не тонкий. Николай Владимирович был богато одет, сорил деньгами направо и налево, к нему ластились самые дорогие проститутки. Юрий даже удивился, что Николай Владимирович ушел тогда один, без девушки. Юрий всерьез отнесся к предложению о работе в Парижском автосалоне «Ситроен», и не смотря на то, что в это время Юрий еще был в фаворитах у самой Матушки, он не постеснялся спросить: «Где вас можно найти?».

Следующая встреча произошла через неделю здесь же, в «Мире грез». Николай Владимирович так красноречиво обрисовал Юрию его перспективы, что юноша даже заслушался. Надо же: и квартира, и машина – все сразу, и пятьсот долларов в час, только за то, что он будет открывать и закрывать дверцы дорогих автомобилей. И не где-нибудь. В столице всех столиц, в Париже!

Николай Владимирович попросил Юрия заполнить анкету на фирменном бланке «Ситроена», успокоив Юрия, что эта бумажка ни к чему не обязывает. Так, простая формальность. Ну, если уж Юрочка надумает, то с ним подпишут контракт в торговом представительстве, которое «Ситроен» открывает на днях в Киеве. Еще Николай Владимирович сообщил Юре, что занимается поиском солидных партнеров для дилерства и долевого участия в строительстве двух крупных автосалонов и станций сервисного обслуживания «ситроенов» в украинской столице.

Он рассказал, что уже встречался с директорами ряда фирм, но, по его мнению, все эти фирмы – мыльные пузыри: фактически ни у кого нет денег. Только пыжаты и строят из себя рокфеллеров. Он также поведал по секрету, что намерен еще кое с кем встретиться и перечислил несколько фамилий известных предпринимателей. Среди них прозвучала фамилия Родионовой...

Человек, называвший себя Николаем Владимировичем, с удовольствием отметил про себя, что юноша «дешевый», повелся без вопросов. Исполнитель Бейсика Крюк, он же Николай Владимирович, умел находить общий язык со всеми.

У Юрия не вызвала сомнения подлинность якобы фирменного бланка фирмы «Ситроен», хотя любой имеющий мало-мальское представление о компьютерной графике и копировальных машинах, мог себе вообразить, сколько точно таких же бумажек можно наштамповать с помощью принтера и ксерокса. Юрочка старательно выводил буквы, отвечая на вопросы анкеты. Он уже чувствовал, что его положение в сите Родионовой становится зыбким. Хозяйка все реже хотела его видеть. Что-то не клеилось у него на поприще Дона Жуана. А тут подвернулся такой случай. Юрий, конечно, не собирался добровольно порвать со своей обожаемой патронессой и тем самым лишиться стольких благ. Его устраивало то, что он имел. Как известно, особи мужского рода весьма инертны.

Точку в этой пьесе могла поставить только Родионова. Она была держательницей авторских прав, а он лишь одним из героев изданного ей романа. Юрий, зная себя, понимал, что не встретить он такого человека, как Николай Владимирович, для него бы эта пьеса закончилась немой сценой. А так, как говорится, не будь дураком, заблаговременно себя страхуй от неминуемых невзгод. Отходной вариант возник как нельзя вовремя, да еще какой. Юноша млея от мысли, что за счет своей внешности он прокормит себя всегда. И так, привыкший всем нравиться Юрочка медленно выцарапывал слова на анкете, как будто реставрировал древний пергамент. Он хотел, чтобы в фирме оценили его аккуратность.

Крюк мгновенно понял, что Юрочка для него настоящая находка. В нарциссах Крюк ценил исключительно разговорчивость. Лишь услышав фамилию Родионовой, Юрочка, желая показать, что тоже не простачок, стал выкладывать все, что знал о своей хозяйке, хотя о том, какое отношение к Родионовой, собственно, имеет его персона, упомянул неконкретно, вскользь, иными словами, предпочел тактично умолчать о своем «проститутстве». Хотя наемному киллеру это хобби Юрочки было не интересно, его вообще не интересовали альфонсы, его занимала исключительно информация, которой располагал конкретно любимый мальчик Родионовой. Именно поэтому Крюк с ним и познакомился.

Знал Юрочка мало. Такой вывод сделал Крюк, но заключил, что при соответствующей обработке из этого дураля можно выжимать более ценные сведения.

«Мой юный друг, – многозначительно мотал головой Крюк, вышеживающей из детского лепета юноши полезные подробности, как только Юрочка уходил в своих откровениях не в ту степень. – Мой юный друг...» Много раз повторял Крюк удобную фразу, а про себя думал, что Юрочке одинаково подойдут два прозвища – Членочеловек и Человек-балалайка... Крюку нравилось придумывать клички.

О том, что Юрочка числится в альфонсах у Родионовой, Крюк узнал случайно, услышал краем уха – в престижном дансинге об этом говорили все. А потом Юрочка и сам растрепался. В юношу буквально все тыкали пальцем, и это не смущало его. Наоборот, грудь была колесом. Крюк сразу стал его пасти.

В свободное от «хобби» время Юрочка захаживал в «Лыбидь». Танцующая в чилл-ауте клуба стриптиз роскошная Иола с радостью согласилась выполнять любые поручения Крюка. Такие деньги танцовщице не предлагали даже за любовь. Крюк знал, кому и сколько платить, знал он также, что на Иолу заглядывался крестник Родионовой, Андрюша, который, как он

выяснил, здесь тоже был завсегдаем. Крюк даже успел за ним понаблюдать. Андрея Крюк окрестил для себя «Вульвострадатедем».

В средствах и во времени Бейсик Крюка не ограничил: киллеру позволялось делать собственные ходы, действовать по обстановке. Бейсик считал его умным убийцей, босс даже счел нужным ввести Крюка в курс дела.

Пока что доступ к Матушке для Крюка был наглухо закрыт. Ликвидатор ломал голову, как преодолеть трехшелонную охрану, которой окружила себя Родионова. Но, хоть и впотьмах, он шел к заветной двери, на ходу подбирая ключи. Интуитивно, даже не нащупав замочной скважины, но будучи уверенным, что они обязательно подойдут. Он чувствовал, что близок к цели, инстинкт профессионала подсказывал, что он на правильном пути.

... Иола позвонила ближе к полуночи, сообщила, что «клиент» на месте. По дороге в «Лыбидь» Крюк обдумывал, как построить сегодняшний разговор с Человеком-балалайкой, чтобы он «брынчал» без задней мысли. Увидев поникшего, слегка пьяного Юрочку, Крюк определил, что «плод созрел», пора снимать урожай. Юрий расположен к нужной беседе, разговор получится.

– Раньше такой румяный был, – по тому, как оживился Юрочка, Крюк понял, что его появлению рады. Это был плюс, он уже знал, как разговорить парня. – Ну, Юрочка, где жизнеутверждающая энергия? Как там у вашего кумира – Боди Титомира, где «хай энерджи»? Куда делся «энтузиазм», почему не прослеживаются приподнятое настроение, бодрость духа и жизненный тонус? – Юрочка уже смялся. Крюк шутил дальше, – неужто растерял жизненные ресурсы, израсходовал по пустякам запас своих гормонов, скоропостижно иссякла потенция? А ты, мой юный друг, думал, что она без конца и без края? Ой-е-ей! Сколько юных душ загубил перерасход вечного топлива, распыленного по ветру! Топливо-то вечное, двигателя вот только вечного не бывает. Или нет?! Там все в порядке, – Юрий хохотал взахлеб. Крюк развивал успех. – А?! Все, я знаю, что стряслось. Осеменил не ту особь, любимая узнала, и ревность затуманила ее очи. Скажи, что я не прав. Что, дама сердца Елена Александровна Родионова не желает и слушать твоих оправданий? Дала от ворот поворот?

– Я ее больше не люблю, – вмиг посерьезнел Юрочка и, даже не спросив Крюка, откуда такая осведомленность о фиаско в его отношениях с Родионовой, добавил, – Она меня уже достала своими капризами, корчит из себя семнадцатилетнюю девочку, старая карга.

– А вот это правильно, – подстегнул Крюк. – Сдалась тебе эта бабулька. Подзаработал малость и достаточно. Пора о будущем подумать. Да любая парижанка сочтет за счастье укрываться под одним одеялом с таким красавчиком. И если ты не дурак, то многого добьешься. Ну что, надумал? Подписываем контракт? Или ты не можешь расстаться со своей хозяйшкой? Я тебя понимаю... Она женщина состоятельная, крутая.

– Подписываем, надумал! – снова повеселел Юрочка. Его совсем не пугала напористость нового знакомого, его заинтересованность, его информированность. Мало ли, всего не упомянешь. Может, сам сболтнул в прошлый раз, а может, просто земля слухами полнится. Фирмачу не составило бы особого труда навести о нем справки.

Юрочка думал, стоит ли горевать, Родионова сама скоро пожалеет о своем поспешном решении избавиться от него. Мысли Юрочки были уже в Париже. «Уж я-то не останусь у разбитого корыта, найду себе применение, милая Елена Александровна, убиваться не стану». Однако обида все еще преобладала. Восторг от новых перспектив еще ее не вытеснил. Юрочка зло проговорил:

– Меня здесь ничто не держит, и уж тем более Родионова. Не хочу быть игрушкой, – дальше пошли рассуждения. – Рядом с ней можно быть лишь игрушкой или лакеем. Когда ей

хорошо – все должны радоваться, когда ей плохо – всем должно быть плохо. Что далеко ходить, сегодня я с ней встречался. У нее возникли проблемы – тут же все люди для нее перестали быть людьми. Все – только исполнители ее воли. Она не слушает никого, даже своему ближайшему советнику, не церемонясь, затыкает рот. Не дает и слова сказать. Мурашки по коже бегают, когда она говорит.

– Да, меня проинформировали, что у нее проблемы. Я потому и не стал на нее выходить, – зацепился Крюк. – Добрые люди отсоветовали брать в партнеры Родионову. Говорят, и мы далеко не ангелы, но у этой бабенки позади хвост. Сказали, это такая зверюга, обдерет до ниточки... Подмела, говорят, своим хвостом весь Киев, посчитала, что мало, забросила его то ли в Крым, то ли в Молдавию, не помню точно. А там хвостик ей прищемили. Ничего не имею против нечистой силы, против расширения географии рынков сбыта и зон влияния, но упаси Господь, что можно ловить в Молдавии?! Ведь они деревянные, эти молдаване...

– Речь шла о Крыме, – живо подхватил Юрочка, но вдруг замолк, будто что-то вспомнил. Устремив взгляд вверх на зеркальные шары, он задумчиво произнес, – А что, вполне вероятно, может, она и ведьма.

Крюк имел опыт общения с подобными типами. Юрочка был как тетерев на току: оторви у него гениталии, он наверняка и не заметит сразу, слишком занят собой. Для того, чтобы узнать содержание всего разговора, что состоялся в апартаментах Родионовой и случайным свидетелем которого оказался Юрий, Крюку потребовалось немного – не перебивать Юрочку, время от времени восторгаться его внешностью и, еще одна деталь, разбавлять беседу ненавязчивыми отступлениями. Крюк быстро нащупал параллельную тему и ошарашил Юрочку своими познаниями в области мистики и черной магии. Спустя два часа Крюк знал все до малейших подробностей.

Он оставил Юрочку с вытупленными глазами, юноша был под впечатлением новых знаний о колдунах и чародеях, и помчался к телефону. Набирая номер справочной железнодорожного вокзала, Крюк представлял, что еще выше поднимется в глазах Бейсика, когда тот узнает, как он отрабатывает аванс. Утренний поезд на Симферополь отправлялся в семь часов...

Крюк сделал свое дело. Но теперь, когда он ехал в своей неброской «Таврии», удаляясь от вокзала, перед глазами стояла некрасивая девочка-проводница, которая приняла у него посылку. Крюк заметил, что она была вся в прыщиках, с грубыми чертами лица. Она хорохорилась, подстраиваясь под свою внешность. Но ее выдавала застывшая в глазах печаль. Ну, конечно, она была застенчивой по натуре и такой же некрасивой, как он. Он сказал ей, что она красивая. Она совсем не придала значения этому комплименту. Прямая противоположность Юрочке. Крюк вручил ей смерть, но не жалел невинную жертву. Он вообще не жалел людей. А эта девочка... Он отправил ее в рай. Там нет некрасивых, ей там будет лучше. Крюк усмехнулся.

Поезд выстукивал по рельсам и одновременно по ушам Петылицына с навязчивой монотонностью секундной стрелки. Что-то не спалось ему. Петылицын был самым матерым из собранной впопыхах бригады. Такие дела не делаются в спешке. Ему было неприятно, что его как пацана сорвали его с места. И хотя ему льстило, что Матушка полностью положила на его опыт и знание дела, Петылицын ворчливо переворачивался с одного бока на другой. Не давала заснуть привычка хорошего семьянина ощущать под боком теплое тело жены.

И еще мешали унсовцы: эти двое ехали в соседнем купе. К ним в гости зашли его ребята. Судя по всему, они спелись, ибо гоготали без умолку. Вот уже полчаса они мусолят одну тему – треплются про Грузию. Кто-то из унсовцев достал грузинские купоны. Все дружно стали ржать над словосочетанием «грузинские бабки». Потом кто-то хотел подлить масла в огонь вопро-

сиком: «А что, наши карбованцы лучше?», но разговор из-за этого принял иное очертание. Унсовцы пришли в замешательство, затем стали защищать незалежную валюту со свойственной националистам логикой: «Зато своя», хотя минутой раньше издевались над такими же для кого-то своими грузинскими купонами.

«Сейчас пойду и заткну глотки этим мародерам», – со злостью подумал Петылицын. Но не встал, надеясь, что они сами уgomонятся. Его на мгновение обволокла сладкая мысль о том, как вознаградит его Матушка за труды, когда он разделается с ее врагами в Крыму.

В соседнем купе все не унимались. Унсовцы вешали лапшу на уши его ребятам, рассказывая о своих подвигах в Грузии и на Северном Кавказе. Неужто у его пацанов челюсти поотвисали на этот бред? Надо все-таки пойти и закрыть рты этим хлопцам, готовым воевать хоть под зелеными знаменами, лишь бы против русских. То есть потенциально и проив него. Неуправляемая банда. Надо ж было с ними связаться. Видно у Матушки свои резоны. А может она на них потом все повесит? Поглядим, и если надо – исполним. А пока надо уложить всех спать, чтобы к Симферополю как огурчики были.

Петылицын встал и вышел из купе. Со свирепым видом он направился к шумной гоп-компани, резко дернул дверь и гаркнул во все горло:

– Эй, вояки, вы что ж моих молодцов сказками разводите? Кто тут у вас основной Ганс Христиан Андерсен?! А ну разбежались по нарам, уши развесили, е...ть-копать.

– Может, хватит кричать? – раздался девичий голос в коридоре. – Двенадцатый час. – Это вышла проводница, которая устала скучать в своем служебном купе и была рада воспользоваться предложением поскандалить с пассажирами. Она, не смотря на свой небольшой стаж, успела полюбить дорожные приключения. Ей уже довелось познакомиться с людьми разных профессий и разного положения, отпускниками и командировочными. Знала она так же, что никто ее не пригласит в веселую компанию, не напросись она сама. «Лицом не вышла», – подшучивала она сама над собой. А веселый, пьяный балаган, который, случалось, устраивали в купе пассажиры!.. Весь мир для этой девочки сосредотачивался в этом купе, в этом вагоне, в поезде, в этой извилистой железнодорожной колее, в этой бедной на краски панораме, открывавшейся за окнами поезда...

На улице была кромешная темнота, скрашенная редкими мерцаниями огоньков. Самые интересные эпизоды в ее проводничьей биографии происходили именно в такую темень. В одну из таких ночей в служебном купе она потеряла девственность. Мимолетное знакомство с каким-то молодым то ли геологом, то ли археологом, так и не расслышала, что он промямлил, закончилась животной близостью. Он живописно распыл ее, будучи в дрызг пьяным. Да и она была не трезвее. Но девчушка не жалела об этом. Ей нравилась ее работа. Все время новые люди. Интересно. Правда, бывают очень скучные поездки, без шума и лишнего шороха, пассажиры угрюмо курсируют от своей полки к туалету и обратно. Но нынешние, похоже, шумные, не зря она так тщательно красила губы и веки...

– О, мамочка высунулась, – заметил ее Петылицын, – можешь засунуться обратно, милая, мы отбиваемся.

– Пассажиры уже спят, а вы дебоширите, – уже немного тише произнесла девушка, удивленная тем, что «тренер» не пьян.

«Спортсмены», тоже трезвые, молча выходили из купе и послушно направлялись к своим местам. Ни один на нее даже не взглянул. «А в прошлый раз спортсмены пили как сапожники, – вспомнила она, – этот строгий дядечка не разрешает им пить». Но главное, она поняла: на нее никто сегодня не позарится.

Открыв свое купе, она уставилась на надоевший интерьер и некоторое время не хотела входить. Затем все же подалась вперед, но так и не вошла...

С утра, с того самого момента как ушел поезд на Симферополь, Борис пустился в разгул. Объехав за день добрую дюжину баров, к вечеру он был никакой. Чего он, собственно, и добивался.

К состоянию, которое он намеревался получить, безрассудно лакая «Смирновку», пивкой присосалась разбитость. Дискомфорт нарастал и начисто нейтрализовал пьяную эйфорию. У Бориса ничего не вышло, он не очистил голову от неприятных мыслей, водка просто разогнала гнетущие мысли по тупикам, и потому ни у одной из них не могло быть завершения. В голове скопилось столько всего, главного и второстепенного, и это все еще перемешивалось с разным бредом. Это позволило Борису материально ощутить, как пухнет мозг. Когда он уже совсем не вязал лыка, телохранитель усадил его в машину и отвез домой, где с горем пополам раздел и уложил в кровать.

Если предшествующее сну состояние можно было назвать бодрствованием, то уснул он мгновенно. Сперва сознание сквозь сонную дымку рисовало знакомые и незнакомые образы, затем они стали выстраиваться в бессмысленные ряды, потом все неуклюжие сценки скомпоновались в один стройный сюжет. Этот сон, подобно долгоиграющей пластинке, прокручивался в его голове уже не раз и с каждым разом дополнялся всевозможными подробностями.

...Борис стоял на берегу моря. Песчаный берег нежно целовали зеленые волны. Морская гладь сверкала полировкой под слепящими солнечными лучами. Чистое голубое небо сливалось с морем на отчетливо просматриваемом горизонте. Рядом с ним стояла Елена. Она была в том самом платье, что он когда-то очень давно подарил ей. Она была молода и прекрасна и представляла собой мазок природы, без которого идиллия была бы не полной. Ее ясный взгляд был устремлен вдаль. Он знал, что Елена любила смотреть на море. От моря исходил дух вольного простора, вечного и незыблемого. Все так же всматриваясь вдаль, она сказала:

– Видишь море? Люди уже засорили и осквернили берег, а море осталось нетронутым. Только в море я могу обрести то, к чему стремлюсь. Душевный покой и полную независимость. От всех. От денег, от людей. Мне не нужен никто. Хочешь, мы будем вдвоем с тобой править нашим островом. Он будет жемчужиной какого-нибудь континентального шельфа. Мы воздвигнем на нем искусственный остров с развитой инфраструктурой – международный курорт, соединенный с сушей лишь автомобильным мостом. Я буду хозяйкой. На нем будет все необходимое. Здесь будет город-государство с тысячью фонтанов, с экзотической растительностью. На острове будут отели, причалы, бассейны, теннисные корты, вертолетные площадки, подводный ресторан. Да, ресторан под водой с иллюминаторами для обзора подводной флоры и фауны. Я так хочу. Я спрячусь на своем острове от большого мира. А тебе нравится?

В ответ он молчал, недоумевая, зачем возводить искусственный остров на сомнительном шельфе, когда на свете полно настоящих островов в самых причудливых местах. Борис и наяву слышал от Елены такие речи. Она не раз говорила о райском острове, но легкая усмешка на ее губах мешала понять, в шутку или всерьез она сама воспринимает свою мечту. Мечтать не вредно, мечтают все. Но когда она начинала мечтать вслух, в ее глазах как будто вспыхивали факелы, и на земле существовало только одно средство потушить этот неуправляемый огонь – реализовать ее желания. Борис не хотел себе в этом признаваться, он очень боялся, когда в ее глазах загорался такой огонь, но больше всего он страшился своей любви к ней.

Сейчас, в дремучем лесу сознания мелькал один сюжет, все остальные мысли поглотила чернота. Во сне он отчетливо увидел это... Она не шутила, она говорила всерьез, ее голос взметнулся над морем так же, как парили чайки. И шум прибоя, и тембр ее голоса были нотами одного аккорда.

И тут заговорил он сам. Собственный голос показался Борису фальшивой нотой, портящей общую гармонию. Может, оттого говорил он негромко, как бы извиняясь за свое вторжение.

– Ты хочешь спрятаться от мира... А ты уверена, что мир отпустит тебя? Кто-то умный сказал: идея, возведенная в абсолют, становится своей противоположностью. Подумай, во что тебе обойдется этот проект. Ты можешь потерять все, что у тебя есть. Это неоправданный риск. Если тебя еще интересует мое мнение – не стоит бросаться в омут.

Вокруг Елены теперь уже толпились какие-то люди. Их было много. И все они хохотали ему в лицо. Он хотел подойти ближе, чтобы разглядеть, кто смеет куражиться над ним, но почему-то не мог. Эти люди, одетые в черные балахоны, были обезличены. Борис пытался встретиться взглядом с Еленой, но фигуры в мантиях закружились вихрем вокруг нее.

Скоро он вовсе потерял из виду очертания своей любимой. Он рвался к этому стуску ветра и пыли, который начал отрываться от земли, унося с собой Елену. Он почувствовал, что теряет ее. Еще секунда, и она исчезнет...

Однажды в юности был момент, когда Высокий Разум дал почувствовать ему свою благосклонность. Это было его маленькой тайной. С тех пор он всегда смотрел на небо с трепетом. Но Борис никогда не решился бы пользоваться своей привилегией бесцеремонно. Однако сейчас было не до жеманства. Он не просил, а требовал. Ему просто должны были помочь.

Он взглянул на небо – там сходились тучи. Это было доброе предзнаменование. Значит, там слышали его мольбу. Он не ошибся. Молния неожиданно рассекла небо. Гром разорвал черный стусок на мелкие осколки, которые плюхнулись в море. Елену отшвырнуло на берег. Борис в секунду очутился возле нее. Она лежала без чувств, распластавшись на песке.

Море свирепело. Загудел сильный ветер, разгоняя непослушные волны. Елена пришла в сознание, и Борис сказал ей, что надо бежать подальше от шторма. Она не хотела, и Борис стал тянуть ее силой. Она упиралась.

Тем временем ветер подчинил себе волны и стал гнать их рядами. Их мощь нарастала. Они подступали все ближе и ближе. Борис ошалел, когда увидел, что из волн торчат человеческие руки. Все погрузилось во мрак. Он испытал настоящий ужас, ощутив чье-то липкое прикосновение. Он заорал от страха и побежал от моря, что есть мочи. Лена тоже бежала.

За ними гнались какие-то демоны, издающие рвотные звуки. Борис и Лена вязли в песке, как в болоте. Силы покидали, сзади как будто тянул магнит, высасывая волю к сопротивлению. Они поняли, что топчутся на месте, и что их почти настигли мерзкие, кряхтящие, с горящими глазами существа. Казалось, они были слеплены из медузной слизи. У Бориса раскальвалась голова в поисках выхода, но он был бессилен что-либо предпринять. Тело не слушалось его, словно он пребывал в невесомости. И он зарыдал как ребенок...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.